

АЛЕКСЕЙ АРЖАНОВ ВИКТОР МОЛОТОВ

ТОМ 2

ДРУИД

ПЛАМЯ И КРОВЬ

Дубровский

Виктор Молотов

Друид. Том 2. Пламя и кровь

«Автор»

«Автор»

2026

Молотов В.

Друид. Том 2. Пламя и кровь / В. Молотов — «Автор», «Автор»,
2026 — (Дубровский)

Меня зовут Всеволод Дубровский. Точнее, это моё новое имя. Я переродился в теле последнего наследника захудалого рода друидов, и теперь должен спасти свой лес. А иначе сделка будет расторгнута, и я погибну. На этот раз, по-настоящему. Только вот как спасти лес, когда здесь не только вырубщики, но и поджигатели? Когда с одной стороны воинственные соседи, а с другой — Поволжская аномалия? Когда в лесу объявился некто, кто называет себя его Хозяином и подчиняет моих духов?

© Молотов В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	52
Глава 8	60
Глава 9	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Виктор Молотов, Алексей Аржанов

Друид. Том 2. Пламя и кровь

Глава 1

Впервые за всё время проживания в этом мире я увидел такой кошмар. Нет... Честно говоря, я и в прошлой жизни с подобным не встречался.

Когда я рванул сквозь огонь, передо мной предстала картина, которую я теперь точно никогда не забуду.

Деревья гудели от боли, словно пытались подать сигнал. Попросить о помощи. Повсюду метались горящие лесавки. Духи выбирались из своих убежищ, пытались сбежать из этого огненного кошмара.

Лес умирал на моих глазах. А я умирал вместе с ним.

Горела лишь малая часть моего леса. Но даже такой пожар уже смог нанести мне очень серьёзный урон.

Моё тело сгорало изнутри. Не от огня, а от лихорадки, которая пришла мгновенно.

Хоть вокруг и металось пламя, мне было жутко холодно. Знобило, как при тяжёлой форме гриппа. Всё тело дрожало, сознание помутилось.

Вариантов у меня немного. Нужно любой ценой остановить пожар, не подпустить его к третьей печати. Иначе погибну не только я. Тогда не станет и людей, живущих в ближайших деревнях. Ведь тогда сюда начнёт перемещаться всё больше и больше монстров. И аномалия распространится на все мои территории.

Затем дотянется до города. И моя смерть приведёт к гибели сначала сотен, а потом уже тысяч людей.

– Помоги! Помоги! – в моей голове звучали голоса.

Сказать, кто их произносил, было уже практически невозможно. Деревья, звери, духи? Неважно.

Всем нужна помощь. Лес рядом с моим особняком погрузился в отчаяние. А мне такое непозволительно.

Но на меня это чувство не распространилось. Я ещё могу кое-что сделать. Могу спасти эти земли. Вот только не знаю, сколько на это придётся потратить сил...

Часть леса, что прилегала к Васильевке и моему особняку, уже начали тушить крестьяне. Бежали с вёдрами туда-сюда – от колодца к горящим деревьям.

Это я отдал им этот приказ. Вот только теперь, глядя на масштаб катастрофы, понимаю, что толку от этого будет крайне мало. С одними вёдрами тут не набегаетесь. В этой эпохе уже есть пожарные службы, но и они вряд ли смогут хоть как-то сохранить горящий лес.

Допустим, мы сейчас позвоним в Волгин. Что дальше? У них уйдёт часа два на дорогу сюда. За это время пожар распространится ещё сильнее. И помощь городских служб будет уже бессмысленна.

Хотя велик риск, что они вообще оттуда не приедут. Не уверен, что в Волгине есть полноценная пожарная станция. А если даже и есть – на тушение лесов она точно не рассчитана.

Я продолжал свой путь к самой горячей точке. К очагу пожара. Только там я могу на что-то повлиять.

Появился у меня один план, до которого ни один человек в здравом уме точно никогда бы не додумался.

Не ограничивать очаг пожара. Наоборот – тушить его с центра. И есть у меня затейка, как это сделать.

Хотел бы я сказать, что это будет просто. Но – нет. Для этого придётся применить магию третьей ступени пробуждения друида. Вот только это может превратить мою миссию в самопожертвование.

В текстах, написанных Валерьяном, чётко сказано, что каждую ступень нужно осваивать постепенно и полно. И лишь после этого переходить на следующую.

Первую я уже полностью освоил. Она теперь не представляет для меня никаких трудностей. Со второй всё несколько сложнее. Дистанционная связь с живыми существами пока что отнимает у меня больше сил, чем должна.

Но тут речь идёт о третьей. О навыке, который пока что для меня недоступен.

И который может меня убить.

А какие есть варианты? Умереть вместе с лесом, погибнуть в лапах прорвавшихся чудовищ или же лишиться жизни, стараясь потушить этот лес.

По-моему, основной вариант очевиден. В третьем случае у меня есть хоть какой-то минимальный шанс!

– Дубровский, ты слышишь меня? – из-за огненной стены послышался знакомый голос. Мох.

– Слышу! – прикрыв глаза рукой, крикнул я. И тут же закашлялся.

Сорвалось дыхание. Глаза жутко слезились из-за дыма. Я шёл вопреки всем правилам безопасности при лесном пожаре. Смочить ткань было нечем, за ветром я почти не следил и плюс ко всему шёл к центру возгорания. На самом деле так делать нельзя.

Если, конечно, ты не друид, у которого созрел гениальный, но чертовски рискованный план.

– Как ты, Мох? Не пострадал? – я не видел лося. Из-за пламени торчали только его рога.

– Я увожу выживших духов в другую часть леса. Они все собрались в здании старой лечебницы, которую ты недавно начал восстанавливать. Но духи заперты там вместе с Архипом, – объяснил Мох. – Ещё немного – и пламя достигнет здание.

А вот уже ни в какие ворота не лезет. Сгорят духи, погибнет Архип, будущая лечебница исчезнет. Все мои планы падут, если я не потороплюсь.

– Я всё исправлю. Продолжай спасать всех, кого сможешь, – попросил я. – Но перед этим скажи, ты не видел поджигателей? Кто это сделал?

– Они в сотне метрах отсюда, – после короткой паузы ответил Мох. – Вернее... Один из них. Боюсь, у нас проблемы, Дубровский. Ситуация куда хуже, чем ты думаешь. Но об этом тебе лучше узнать потом. Когда всё закончится.

С этими словами Мох сорвался с места и помчал в сторону лечебницы. Я продолжил путь к месту, где зародился огонь. Становилось всё горячее. Часть моей одежды опалило, волосы покрыло пеплом, кожа покрылась копотью.

Обычный человек бы уже давно потерял сознание. Сгинул бы среди горящих деревьев. Но я прикинул риски. Понял, что мне нужно делать, чтобы преодолеть этот путь.

Использовал одну из базовых техник, которые описывались в разделе о первой ступени. Дыхание друида.

С помощью этого навыка, находясь на чистом воздухе, я направлял в лёгкие свою магию и мог черпать энергию из ниоткуда. А точнее – из витающей повсюду жизненной силы.

Сейчас воздух вокруг меня, мягко говоря, загрязнён. Дыхание друида не даёт мне дополнительных сил в такой ситуации, зато позволяет избежать отравления токсичными газами.

Наконец я добрался до места, где и был совершён поджог. Видимо, злоумышленники специально постарались устроить пожар как можно глубже в лесу, чтобы огонь распространился сразу в несколько сторон.

Чтобы у меня не было шансов его потушить.

Вот только они кое-что не учли. Погода сегодня влажная, дождь моросит. Хоть его и недостаточно, чтобы затушить лес, но сам факт скопления туч здорово мне поможет, чтобы остановить пожар.

Не повезло этим уродам. Прогноз погоды уже изобрели, но передавать по радио его начнут только через год – в одна тысяча девятьсот двадцать первом году. Поэтому враги и не смогли подобрать подходящий день, чтобы положить конец мне и моему лесу!

Правда, по-настоящему точного прогноза и в моём мире не было. Все системы работали настолько приблизительно, что на них и полагаться-то особо не стоило. Если, конечно, речь идёт о прогнозе на длительный срок. Метеорология наиболее точна, если нужно узнать погоду в ближайшие три дня.

– Ну всё, Сева... – прошептал я себе под нос. – Придётся поднапрячься.

Я задержал дыхание, поднял ладони к небу и широко расставил пальцы. И начал повторять про себя заученные наизусть заклятья. По телу пробежал импульс, из меня вырвалась магическая волна и устремилась вверх – в тучи.

Всё тело тут же заломило. Я чуть не потерял сознание. Каждая мышца горела, а кожа и суставы заныли, как у старика перед дождём.

Ну, будем считать это хорошим признаком. Ведь именно дождь я и призываю!

Мана полностью закончилась. И что меня смутило больше всего – я перестал ощущать биение своего магического сердца. Тепло в груди исчезло, будто во мне никогда и не было никакой друидической магии.

Надеюсь, это не означает, что я только что выжег всё своё магическое начало...

Это мне только предстоит узнать. Сейчас меня больше всего волнует другое.

Хватит ли вызванного мной дождя, чтобы...

Мои размышления прервались, когда с неба обрушился поток воды. Неостановимый ливень.

Капли крупные, тяжёлые, бьют меня по макушке. Ощущение такое, будто они вот-вот расколят череп.

Но это хорошее чувство. Жар стал спадать. И с леса, и с моего тела. Пожар затухает. Лишь сейчас, когда заклятье третьей ступени начало тушить пламя, я смог осмотреть свои руки и осознал, чего мне стоила эта победа.

Кожа под рваной рубашкой была покрыта сетью ожогов. Неестественных. В ходе пожара я таких получить не мог. Для этого нужно было пробежать сквозь пламя, а я двигался аккуратно.

“Этот лес – моё тело”.

Вот он – результат нападения на мой лес. То, что сегодня случилось, не сравнится ни с одним из происшествий, с которыми мне приходилось сталкиваться раньше. Вырубка леса, охота на моих животных, монстры, Тенелист... Всё это – мелочи в сравнении с обычной стихией.

С всепоглощающим огнём, который я смог остановить, надломив свой собственный магический источник.

В шуме дождя послышалось тяжёлое дыхание. Только сейчас, когда огонь вокруг меня начал затухать, я увидел, что всё это время в нескольких метрах от истлевшего дерева стоял человек.

Крепкий мужчина в обгоревшей одежде. Весь трясётся от ужаса. Подозреваю, что это и есть поджигатель. Да... Точно. Пожар начался отсюда. Видимо, этот болван сам загнал себя в ловушку. Не смог выбраться из неё.

Выходит, что я его от верной смерти спас? Нет уж... Я этого делать не хотел. Вот этих подонков я бы точно не стал щадить. После того, что они сделали с моим лесом... выловлю каждого. И каждого заставлю заплатить.

Я сжал обгоревшие кулаки и зашагал прямо к поджигателю. Он затрясся, попытался что-то выкрикнуть, но не успел. Я изо всех сил врезал ему по челюсти. Здоровяк не упал, смог устоять на ногах. Попытался защититься, но в его лицо тут же прилетел ещё один удар.

А затем ещё и ещё. Такое со мною случилось впервые. Никогда ещё я не испытывал такого гнева. Неконтролируемый огонь, горячее самого пожара. И это пламя я тушить не хотел.

– Рассказывай, кто тебя сюда подослал? – я схватил его за грудки. После серии ударов он уже не мог стоять на ногах. – Даже не думай мне лгать. Ты уже одной ногой на том свете.

– Простите нас... – прокряхтел он. Его слова свистели, поскольку я выбил ему все передние зубы. – Нам пообещали очень много денег. Сказали, что тут никого не будет...

– Не будет? – хмыкнул я. – В этом лесу сейчас находится мой подчинённый. А кроме него ещё целая куча животных, растений... Какие же вы идиоты!

Стоп...

Я осёкся. Моё сердце пропустило несколько ударов. Поджигатель ещё не назвал имя человека, который его нанял. Не ответил на мой вопрос. Но до меня дошло, что пожар – не единственная проблема.

Есть кое-что ещё.

– Что ты сейчас сказал? – оторопел я. – Ты сказал “мы”?

– Д-да... – задрожал мужчина. – Что вы хотите от меня? Имена? Вам они всё равно не понадобятся.

И, к сожалению, я уже догадался почему.

Поджигатель указал пальцем на кусты.

– Они там, – прошептал он. – Нас было трое. Остался только я один. Мы... Запаниковали. Огонь начал распространяться слишком быстро. Когда мы это поняли, было уже слишком поздно. Выжил только я. Чудом!

Проклятье... Да что ж они натворили!

В кустах лежали два человека. Вернее, всё, что от них осталось. Видимо, их подхватило пламя. Либо же они задохнулись, а уже после этого попали под действие огня.

Теперь это уже не имеет значения. Эти ублюдки мертвы. А их кровь уже уходит в землю, в сеть моих деревьев. Произошло то, чего я не должен был допустить.

Мало мне пожара, так ещё и кровь пролилась в моём лесу. И теперь часть деревьев, упившись человеческой кровью, обратится. Теперь понятно, о чём говорил Мох.

Он намекал, что ситуация хуже, чем я думаю.

Надо всё обдумать. Я же ведь и третьего только что чуть голыми руками до смерти не забил. Добавил бы ещё больше крови.

Нужен план. С пожаром покончено. Печать сохранена. Я чувствую это. Значит, прорыва из аномальной зоны не последует. Оставшийся огонь будет потушен вызванным мной ливнем. С деревьями, поглотившими кровь, я разберусь позже.

Сейчас нужно понять самое главное.

– Задаю вопрос в последний раз. Кто и зачем велел вам поджечь лес? – со сталью в голосе произнёс я.

– Игорь Станиславович, – ответил мужчина. – Барон Шатунов. Он велел нам устроить поджог, барин. Клянусь вам, я не знаю, зачем ему это понадобилось. Но... Он покинул своё поместье одновременно с нами. Мы думали, что он едет к вам, но... Раз вы здесь, значит, он с вами так и не пересёкся.

Чёрт бы меня подрал... Да он ведь и не планировал со мной пересекаться. Пока что всё идёт ровно так, как того желал Шатунов. И ведь хорошо время подобрал. Сволочь! Ровно в тот день, когда я уехал на встречу с Ладыгиным.

И что же это значит? Они все заодно? Ладыгин слил информацию о том, когда меня не будет в поместье?

Навряд ли. Ему ведь это не выгодно. Если он собрался работать против меня вместе с Шатуновым и Озёровым, то за каким же чёртом ему тогда заключать со мной договор о поставках материалов?

Что-то тут не вяжется. Пока что ясно только одно. Шатунов сейчас в моём особняке. Он отвлёк моё внимание пожаром, чтобы поставить точку в нашем конфликте. Чтобы забрать Елизавету. А затем вырвать из неё артефакт “сердце”.

– Ты пойдёшь со мной, – велел поджигателю я. – Как твоё имя?

– М-митрий, – заикаясь, ответил он.

– Тебе повезло, Митя, – процедил сквозь зубы я. – В отличие от своих товарищей, ты в этом лесу не умрёшь. Но я позабочусь о том, чтобы ты ответил сполна за всё, что сделал.

Понимаю, что ему отдал приказ его господин. Ослушаться Шатунова равноценно смерти. Я уже понял, как действует барон. Не щадит ни своих, ни чужих. Но всё же я склонен считать, что у каждого человека есть своя голова на плечах.

Будь я на месте этого крестьянина, сбежал бы от Шатунова. Скрылся бы в лесах, но устраивать пожар бы не стал. Выбор есть всегда.

Да только рожа у этого Митрия уже больно бандитская. Такого в подворотне ночью встретишь – душа в пятки уйдёт. Видимо, Шатунов сюда не простых крестьян подослал. Выбрал уже бывалых проходимцев.

Кроме того, уж больно знакомая физиономия у этого поджигателя. Такое впечатление, что я видел его где-то раньше.

И я уже понял, почему он кажется мне знакомым. В Волгине на столбах висели объявления о розыске. Я особо не обращал внимания на эти листовки, но там как раз всюду искали трёх человек, которые занимались грабежом и убийствами.

Думаю, это они и есть. Молодец, Шатунов, ничего не скажешь. Пригрел у себя преступников, да ещё и на мой лес их натравить умудрился.

– А теперь – бегом! – велел я. – К моему особняку. И только попробуй сбежать. Сразу же отправишься вслед за своими товарищами.

Я знал, что сопротивляться Митрий не будет. Надавал ему так, что у него голова окончательно отключилась. Если там и была пара извилин, сейчас их точно не осталось. Так что он будет слушаться меня беспрекословно.

По дороге назад мы прошли через лечебницу. Пламя добраться до неё, к счастью, так и не смогло. Архип был внутри вместе со спасшимися духами. Оказалось, что никто из них не погиб. Это уже радует.

Мох отчитался передо мной. Сказал, что ему удалось привести сюда всех, кто рисковал погибнуть в огне. Даже тех, кого настигло пламя. Архипу я приказал не выходить из здания. Пусть лучше сидит там, пока всё не утихнет.

Тем более Мох сообщил мне удивительную новость. Оказалось, с пожаром удалось разобратся даже лучше, чем я думал.

– Не знаю, как ты сделал это, Дубровский... Я ещё никогда не видел ничего подобного, – помотал громадной головой лось. – Огонь уже давно должен был охватить лечебницу. Но он к ней не подступил. Видимо, ты создал вокруг неё какую-то защиту?

– Если честно, ничего подобного я не делал, – признался я. – А если и делал – то бессознательно.

Защита вокруг лечебницы? Да я и вправду впервые об этом слышу. Сколько раз изучал это здание и ничего подобного не обнаружил. И ритуалов никаких не проводил. Странно... Почему вдруг это здание ни с того ни с сего стало ковчегом для духов, которые чуть не погибли во время пожара?

– Ах да, и ещё кое-что... – вспомнил Мох. – Признаться, я ведь не сам всех духов смог спасти. Часть из них так и осталась в огне. Но как только на них пролился твой дождь, они

сами выбрались из пламени. Спаслись и присоединились к нам. Это очень сильная магия, Дубровский.

– Знаю, – кивнул я. – Мне пришлось воспользоваться третьей ступенью.

Хотя я был к этому не готов.

– Ты не понимаешь, – помотал головой дух. – Одно дело призвать дождь. Другое дело – дать ему целительские свойства. Что-то в тебе изменилось сегодня. Пусть сейчас ты и ослаб после сотворённого заклятья. Но перед этим ты стал в разы сильнее.

Что ж, с этим я тоже разберусь позже. Главное, что мне удалось спасти всех. В моей голове застыли образы изуверенных моим отцом духов. Этот чёртов подвал с заточёнными существами. Исправить ошибки отца было невозможно, зато на этот раз я смог сохранить жизни всех!

В итоге в пожаре пострадали только сами поджигатели.

Вскоре мы вышли к особняку. Я уже знал, что увижу там машины. Знал, что в очередной раз встречу около своего дома целую группу вооружённых людей. Многих из них я уже видел. Все они – люди Шатунова.

Вот только самого барона я ещё лично не встречал. Однако сегодняшний день – исключение.

Он здесь. Лично.

Я чувствую его ауру. Магию крови. Странно, я ведь никогда не учился определять, каким колдовством владеют другие дворяне. Но на этот раз прямо около дома я почувствовал привкус железа на языке. Будто десна лопнула, и во рту скопилась кровь. Но на самом деле это не так.

Просто аура Шатунова очень сильна. Сложно даже представить, как бы она изменилась, если бы ему удалось захватить “сердце”. Надеюсь, что он ещё не отобрал его у Елизаветы.

В этом и проблема... Я её не чувствую. Не ощущаю присутствия девушки. А значит, её здесь нет. Либо она мертва, а “сердце” уже находится в руках Шатунова.

Но я всё же надеюсь, что ей удалось скрыться.

Люди барона, увидев меня, взялись за пистолеты, но я проигнорировал их и спокойно прошёл в свой дом. Митрий следовал за мной, но довольно быстро отстал. Потерял сознание прямо в прихожей. Потратил последние силы. Надышался дыма, так ещё и сотрясение благодаря мне получил. Теперь он в себя придёт очень нескоро.

В гостиной, кроме людей барона, находилось всего два человека. Мой слуга Степан расставлял тарелки на столе. Под его глазом красовался здоровенный фингал. Похоже, он не собирався их слушаться. Его принудили силой.

За столом в моём собственном кресле сидел сам Игорь Шатунов.

Если бы не пережитое в лесу, я бы, пожалуй, даже рассмеялся. Маг крови походил на вампира из старых фильмов, которые я смотрел ещё в прошлом мире. Чёрные зализанные волосы, бледная кожа. Только борода всё портит. Не удивлюсь, если под густыми усами клыки скрываются.

– Вот мы с вами и встретились, Всеволод Сергеевич, – Шатунов закинул ногу на ногу, отпил чаю, а затем поставил чашку на стол. – Слышал, у вас случился пожар в лесу. Надеюсь, никто не пострадал?

– Давайте не будем играть в это притворство. Я знаю, что всё это ваших рук дело, – бросил я и расположился напротив него.

Пришлось испачкать мебель сажей. Судя по выражению лица Степана, его сейчас больше всего беспокоило именно состояние мебели. Перфекционист до мозга костей. Ему бы работать дворцом в каком-нибудь столичном дворце, а не в этом всеми забытом месте.

– Ну, раз мы с вами оба всё прекрасно понимаем, значит пора бы уже поговорить цивилизованно, – ухмыльнулся Шатунов. – Вы уже месяц скрываете от меня воровку. Девушку,

что похитила очень ценный предмет. Скажите, как я должен к этому относиться? Разве мог я решить проблему мирно даже после того, как выдвинул вам ряд предупреждений?

– Все ваши предупреждения – обычный разбой. Вы ведёте себя не лучше обычного бандита, – ответил я. – И Озёров почему-то вас покрывает. Хотя, на мой взгляд, вам уже давно стоит гнить в тюрьме.

Пока Шатунов пытался придумать, как парировать моё заявление, я ещё раз окинул помещение своим взглядом. Попытался поймать жизненную энергию Елизаветы.

И понял кое-что важное.

Пропала не только она. Охотников в доме тоже нет. Вся троица исчезла.

Повезло! Скорее всего, Лиза ушла вместе с ними. Не зря мы оказали им лекарскую помощь. Видимо, Виктор и его соратники решили отплатить нам за это добром.

Скрыли Елизавету. Правда, я не знаю, куда они её увели. Единственное место, где можно спрятать человека – это мой лес. Но там я не ощутил присутствия других людей.

Куда же они её дели?

– Господин Дубровский, – вздохнул Шатунов. – Вы только что похоронили и себя, и всех своих соратников. Если сейчас же вы не расскажете мне, где скрывается воровка, нам придётся переубивать всех, кто здесь находится. Уж поверьте, у меня хватит сил, чтобы сделать это одним махом.

– Игорь Станиславович, – позвал Шатунова один из его охранников.

– Я занят, – огрызнулся он.

– Господин Шатунов, это очень важно...

– Да что у вас там случилось?! – вскипел барон.

– К нам... Э-э-э... Приехал важный гость.

– Я же просил вас никого не пускать. Никого, кроме Дубровского! – воскликнул Шатунов.

В прихожей послышались шаги. В доме повисло напряжение. Через несколько секунд в гостиной появился ещё один мужчина.

Высокий худощавый человек в тёмном камзоле. Его густые седые брови почти закрывали глаза.

Шатунов тут же вскочил с кресла.

– Г-господин Бойков?! – оторопел он.

Бойков? Так это же граф! Тот самый дворянин, чьим вассалом я и являюсь.

Не думал, что мы встретимся с ним раньше предстоящего собрания.

Он ударил тростью в пол, набрал воздуха в грудь. А затем выпалил:

– Какого чёрта у вас тут происходит?! Дубровский, я жду объяснений.

Глава 2

Граф стоял в дверях моей гостиной, опираясь на трость с серебряным набалдашником. Лицо — каменное. Седые брови сведены к переносице. Взгляд такой, что даже вооружённые люди Шатунова невольно подались назад.

– Я задал вопрос, – повторил Бойков. – Что здесь происходит?

Шатунов пришёл в себя первым. Выпрямился, одёрнул камзол, нацепил обаятельную улыбку. Быстро переключается, надо отдать ему должное.

– Ваше сиятельство, какая неожиданность! – воскликнул он. – Простите, что принимаем вас в таких... стеснённых обстоятельствах. Я как раз навещал соседа. Узнал о пожаре в его лесу и приехал предложить помощь.

Нагло, но красиво. Я едва не хмыкнул.

Бойков перевёл взгляд на меня. Окинул с ног до головы: обгоревшая рубашка, руки в ожогах, лицо в саже, волосы спеклись от жара. Потом посмотрел на Степана с фингалом под глазом. Потом — на вооружённых людей Шатунова, которые стояли вдоль стен с пистолетами на поясах.

– Помощь, – медленно произнёс граф. – С дюжиной вооружённых людей?

– Это охрана, – не моргнув глазом, ответил Шатунов. – Времена нынче беспокойные, ваше сиятельство. Аномалия, монстры. Я без охраны за ворота не выезжаю.

– Дубровский, – Бойков повернулся ко мне. – Говорите вы. И не вздумайте юлить. Я проделал долгий путь не для того, чтобы слушать враньё.

Вот он, мой шанс. Бойков приехал незванным. Значит, у него были свои причины. Может, узнал о пожаре. Может, уже давно следил за ситуацией. В любом случае, если я сейчас всё правильно разыграю, у Шатунова будут большие проблемы.

Но и торопиться нельзя. Голословные обвинения граф воспримет как склоку между соседями. Нужны чёткие факты.

– Ваше сиятельство, – начал я, поднимаясь из кресла. Ноги подрагивали после всего произошедшего, но стоял я ровно. – Полтора часа назад на моих землях произошёл поджог. Трое мужчин проникли в лес, облили подлесок маслом и дёгтем и подожгли. Огонь распространился на восточную часть моих угодий. Я потушил его ценой значительных усилий.

– Ценой значительных усилий, – повторил Бойков, глядя на мои обожжённые руки.

– Да, ваше сиятельство. Мне пришлось использовать друидическую магию.

По гостиной прокатился едва заметный шёпот. Люди Шатунова переглянулись. Сам барон чуть прищурился, но лицо осталось невозмутимым.

Бойков же, напротив, смотрел на меня с интересом. Видимо, слухи о том, что новый Дубровский открыл родовую магию, до него уже доходили. Но одно дело слухи, и совсем другое — услышать это от первого лица.

– Из троих поджигателей двое погибли в огне, который сами же развели, – продолжил я. – Третий жив. Он сейчас в моей прихожей. Без сознания, но вполне способен дать показания.

– Это абсурд! – вмешался Шатунов. Голос у него был ровный, даже слегка обиженный. – Всеволод Сергеевич, я понимаю ваше состояние. Пожар — это, конечно, страшно. Но зачем выдумывать какие-то заговоры? Леса горят каждый год. Неосторожное обращение с огнём, сухая трава...

– Дождливая погода, – перебил я. – Сегодня моросит с самого утра. Сухой травы нет. Зато есть следы дёгтя на земле и обгоревшие тряпки, пропитанные маслом. Это не неосторожность, Игорь Stanisлавович. Это подготовленная операция.

Шатунов поджал губы. Но глаза оставались спокойными. Он всё ещё считал, что контролирует ситуацию. У меня нет прямых доказательств его причастности. Слова поджигателя — слова преступника. Их можно оспорить.

– Допустим, поджог, – Бойков стукнул тростью об пол. – Допустим. Какое отношение к этому имеет барон Шатунов?

– Прямое, – ответил я. – Третий поджигатель назвал имя заказчика. Игорь Станиславович Шатунов, барон. Если вы его повторно допросите, то он озвучит вам те же самые факты.

Шатунов рассмеялся. Не натужно, не фальшиво — искренне, от души. Хороший актёр. Очень хороший.

– Всеволод Сергеевич, вы в своём уме? Я — заказчик поджога? Я приехал к вам с визитом, чтобы обсудить соседские дела, а вы обвиняете меня в преступлении? Да ещё и перед графом? На основании слов какого-то проходимца, который, вероятно, сам же и поджёг лес, а теперь пытается переложить вину?

Логично и убедительно. И именно так бы я рассуждал на его месте.

Но у меня есть козырь.

– Ваше сиятельство, – я повернулся к Бойкову. – Позвольте разбудить этого человека. Пусть он скажет всё сам. При вас.

Бойков помедлил. Посмотрел на Шатунова. Тот пожал плечами с видом человека, которому нечего скрывать.

– Пожалуйста, – сказал барон. – Будем рады послушать бред обгоревшего разбойника.

– Степан, – позвал я. – Принеси воды. Обязательно холодной.

Слуга метнулся на кухню. Вернулся с ведром. Я взял его и пошёл в прихожую. Бойков двинулся следом. За ним — Шатунов и его люди. Вся процессия перетекла в мою тесную прихожую, где на полу лежал Митрий.

Выглядел он скверно. Лицо в ожогах, губы разбиты, одежда обгорела до дыр. Дышал тяжело, но ровно. Живой. Сознание потерял от дыма и от моих кулаков. Но жить будет.

Я вылил ведро ему на голову.

Митрий дёрнулся. Закашлялся. Открыл мутные глаза и увидел надо мной целую толпу людей. Взгляд его заметался, остановился на Шатунове — и ужас, проступивший на его лице, был красноречивее любых слов.

Даже Бойков это заметил. Прищурился и шагнул ближе.

– Имя, – сказал граф так, что Митрий вздрогнул.

– М-митрий... Митрий Захаров, ваше... – он не знал, как обращаться к незнакомому пожилому мужчине. Голос свистел – всё-таки серьёзно ему от меня досталось.

– Граф Бойков, – представился тот. – Я задам тебе несколько вопросов. Ответишь честно – будешь жить. Соврёшь – пожалеешь, что не сгорел вместе с друзьями. Это понятно?

Митрий затрясся. Закивал так быстро, что из разбитой губы снова потекла кровь.

– Кто приказал тебе поджечь лес Дубровского? – наконец спросил он.

Поджигатель перевёл взгляд на Шатунова. Барон стоял за спиной Бойкова. На лице привычная каменная маска. Но глаза говорили чётко и ясно: "Молчи".

Митрий это понял. Я тоже.

– Послушай меня, Митрий, – сказал я, присев рядом с ним на корточки. – Двое твоих товарищей мертвы. Сгорели в огне, который вы же и развели. Ты — единственный выживший. Человек, который тебя послал, сейчас стоит в этой комнате. И ему абсолютно плевать, жив ты или нет. Он скажет, что не знает тебя. Что ты врёшь. И тебя повесят как поджигателя и убийцу.

– Я никого не убивал! – прохрипел Митрий.

– Двое человек погибли по вашей вине. Это убийство, – холодно сказал Бойков. – Пусть даже непреднамеренное.

Митрий заскулил. Посмотрел на Шатунова, и тот отвёл взгляд. Посмотрел на меня. На Бойкова. Он понял, что Шатунов его не спасёт. Барон уже списал его в расход. Единственный шанс — говорить правду.

– А если скажу... вы защитите меня? – голос дрожал. – Он же меня убьёт. Вы не знаете, на что он способен...

– Я граф Бойков, – отчеканил старик. – И на моих землях закон — это я. Говори правду, и я позабочусь, чтобы ты получил справедливый суд. А не нож в спину.

Митрий закрыл глаза. Всклипнул и судорожно заговорил:

– Барон Шатунов Игорь Станиславович. Он нанял нас троих. Заплатил по тридцать рублей каждому. Велел пробраться в лес Дубровского и поджечь восточную часть. Дал масло, дёготь, тряпки. Сказал, что хозяина не будет дома, что он уехал в город. Велел действовать быстро и уходить через северную тропу. Мы подожгли и... И не смогли выбраться. Огонь пошёл слишком быстро. Ваня и Лёшка... Они...

Он не договорил. Снова закашлялся, и на этот раз надолго.

В прихожей стояла мёртвая тишина. Люди Шатунова смотрели в пол. Ни один не шевельнулся. Видимо, не все из них знали подробности. А те, кто знал, предпочитали не отвечивать.

Сам Шатунов стоял с каменным лицом. Ни один мускул не дрогнул. Я почти восхитился его самообладанием. Почти.

– Бред, – сказал он наконец. Негромко, с достоинством. – Ваше сиятельство, это слова уголовного, который пытается спасти свою шкуру. Этого человека разыскивают за грабежи и убийства. Его листовки висят на каждом столбе в Волгине. И вы верите ему?

– Знаете о листовках? – заметил я. – Странно, откуда такая осведомлённость о разыскиваемых преступниках, Игорь Станиславович?

– Я законопослушный гражданин, – процедил Шатунов. – Обращаю внимание на объявления о розыске. Это преступление?

– Дубровский, – Бойков поднял руку, останавливая нашу перепалку. – Достаточно. Шатунов, вы поедете со мной. Сейчас же.

– Ваше сиятельство, – Шатунов чуть склонил голову. – Я, разумеется, готов к любому разговору. Но, право слово, разве эта нелепая сцена...

– Я сказал, вы едете со мной, – голос Бойкова упал на полтона. Негромко, но так, что у меня самого по спине пробежал холодок. – Здесь и сейчас мы это обсуждать не будем. Разберёмся у меня. И ваши люди — все до единого — покинут поместье Дубровского в течение четверти часа. Это понятно?

– Вполне, – улыбнулся барон одними губами. – Мы ведь все здесь цивилизованные люди. Зачем ссориться?

Он щёлкнул пальцами. Его люди двинулись, потянулись к выходу. Быстро, без разговоров. Дисциплина у Шатунова была отменная, этого не отнять.

Проходя мимо меня, барон остановился. Наклонился к моему уху и прошептал:

– Ты сделал ошибку, Дубровский. Я этого не забуду.

– Я тоже, – ответил я. – Каждый метр сожжённого леса. Два трупа. Фингал на моём слуге. Мне есть что запомнить.

Шатунов отстранился, одёрнул камзол и вышел. Через минуту за окном зафыркали моторы. Машины развернулись и уехали по раскисшей дороге.

Бойков задержался. Стоял посреди моей прихожей, опираясь на трость, и смотрел на лежащего Митрия. Потом поднял взгляд на меня.

– Дубровский, – отчеканил он. – Мы с вами ещё тоже побеседуем. Основательно. Но уже не сегодня.

Сегодня он займётся Шатуновым. Я пока достоверно не знаю, какие у них с графом отношения, но одно ясно точно – Бойкову этот поджог не понравился. Оно и логично, поскольку

пожар мог задеть защитные печати. А тогда аномалия распространилась бы и на соседние земли.

Не уверен что, барона как-то значительно накажут, но по крайней мере он больше не будет пытаться уничтожить мой лес.

– Благодарю, ваше сиятельство, – кивнул я.

– Не благодарите. Я приехал не ради вас, – он стукнул тростью. – Я приехал потому, что мои земли горят, а мой вассал враждует с вассалом графа Озёрова. Это непорядок. И я намерен его восстановить.

Уж очень хорошо он осведомлён. Невольно задумаешься, не затесался ли среди моих людей его шпион.

Он развернулся и пошёл к выходу. На пороге остановился, не оборачиваясь.

– Друидическая магия, значит, – произнёс он. – Что ж, собрание уже через десять дней, я жду вас там. И жду, что вы покажете мне нечто большее, чем обожжённые руки.

Дверь закрылась. Зашуршали шины по гравию. Он уехал вместе с Шатуновым и его людьми.

А будет ли какое-то наказание для барона, я уже выясню на собрании. Тем более выносить приговор придётся совместно с графом Озёровым. А тот скорее уж будет представлять интересы Шатунова.

Свои дальнейшие планы насчёт этого недоброжелательного соседа будут выстраивать уже после встречи важнейших людей этого региона. Он в любом случае должен получить по заслугам, вопрос только – чьей рукой будет наложена эта кара.

Я стоял в пустой прихожей. Рядом хрипел Митрий, а за спиной маячил Степан с ведром.

– Барин, – тихо сказал слуга. – Простите, что не смог их остановить. Их было двенадцать человек. Я пытался...

– Вижу, – я кивнул на его фингал. – Не извиняйся. Ты сделал, что мог.

– А Лизавета...

– Знаю. Её нет в доме. Да и охотников тоже. Знаешь, где они?

Степан покачал головой:

– Не знаю, барин. Когда люди Шатунова подъехали, Виктор, Фёдор и Слава вывели Лизавету через заднюю дверь. Я видел, как они ушли в сторону леса. Я хотел предупредить вас, но телефон... – он сглотнул.

Было видно, как переживает за имущество.

– Разбили? – предположил я.

– Вырвали провод. Первым делом.

Грамотно. Шатунов действовал по плану: отрезал связь, блокировал дом, устроил отвлекающий пожар. Если бы не Бойков, всё могло кончиться совсем иначе.

И мне крайне не нравится потеря телефонной линии сразу после того, как я её подключил. Страшно даже представить, в какой бюджет мне обойдётся её восстановление.

– Митрия запри в чулане, – велел я. – Дай ему воды, но не развязывай. Завтра передадим его властям.

Степан кивнул, и я вышел на крыльцо.

Дождь ещё моросил. Тот, который я вызвал, отдав всё, что у меня было. Он стихал, но ещё цеплялся за тучи, будто не хотел уходить.

Так, теперь нужно найти Лизу.

Мы вошли в лес с западной стороны – туда, по словам Степана, охотники увели Елизавету.

Я взял слугу с собой. Не потому, что боялся идти один, а потому, что после сегодняшнего дня оставлять его в пустом доме рядом с запертым преступником было бы неразумно. Да и нет

никаких гарантий, что Шатунов с Бойковым сейчас не играли спектакль и через пятнадцать минут в мой дом снова не вернутся наёмники.

Степан нёс фонарь. Сумерки уже подкрадывались — день оказался безумно длинным, а до ночи оставалось от силы два часа.

– Барин, а если они далеко ушли? – спросил Степан. – Лес большой. Темнеет уже.

– Они не могли уйти далеко, – ответил я. – Виктор ещё не оправился от ран. Фёдор тоже.

Слава — единственный, кто на ногах, но он их не бросит. Значит, они где-то рядом.

Я попытался потянуться к лесу через связь. Отдача была слабой — резерв маны на абсолютном нуле, магическое сердце молчит. Но кое-что я всё-таки уловил. Тёплые точки среди холодного, пострадавшего леса. Четыре штуки. Километр к северу примерно.

– Туда, – указал я.

Мы шли по лесу, и я старался не смотреть по сторонам. Потому что смотреть было больно.

Восточная часть леса, которую я берёг, которую подпитывал, которую учился слышать, выглядела как после бомбёжки. Чёрные скелеты деревьев торчали из обугленной земли. Мох, который ещё утром был мягким и зелёным, превратился в серую труху. Кое-где ещё дымились угли, шипя под дождём.

Но дальше, за полосой пожара, лес стоял живой. Огонь не прошёл дальше, и третья печать уцелела.

Степан молчал. Только тяжело вздыхал через каждые несколько шагов. Для человека без магии зрелище горелого леса — просто печальная картина. Для меня это ощущалось как открытая рана.

– Барин! – знакомый голос раздался из-за деревьев. – Барин, это вы?!

Слава. Здоровяк вышел из-за густого ельника с ружьём наперевес. Увидел нас и опустил ствол, выдохнул:

– Живы! А мы уж думали...

– Живы, – подтвердил я. – Елизавета с вами?

– Здесь я, – она выбралась следом за Славой. За ней, поддерживая друг друга, показались Фёдор и Виктор. Главный охотник выглядел скверно — бледный, шатается, повязка на боку бурая от крови. Но на ногах стоит крепко.

Лиза подбежала ко мне. Остановилась в двух шагах, будто хотела обнять, но передумала. Или постеснялась. Вместо этого просто стояла и смотрела — на мои ожоги, на обгоревшую одежду, на лицо в саже.

– Ты живой, – прошептала она. – Я думала... Когда начался пожар, я думала, что ты...

Она побоялась произнести вслух свои опасения.

– Живой, – подтвердил я и улыбнулся. – А ты как?

– Испугалась, – честно призналась она. Глаза покраснели, но слёз не было. Держится. – Сначала приехали люди Шатунова и стали ломиться в дверь. Степан пытался их не пускать, но его ударили. А потом Виктор сказал, что нам всем нужно уходить.

Она инстинктивно прижала ладонь к груди. Туда, где под кожей и костью пульсировал артефакт.

– Мы ушли через заднюю дверь, – продолжил Виктор. Говорил он тяжело, с паузами. – Забрались в лес поглубже и затаились. Потом услышали выстрелы, потом... дождь.

– Дождь — это уже моя работа, – кивнул я.

Виктор посмотрел на меня долгим взглядом. Кивнул. И не стал уточнять. Есть вещи, которые эти охотники понимают без объяснений.

– Всеволод, – Лиза сжала кулаки. – Что с лесом? Я чувствую... Аура изменилась. Даже без линзы чувствую, там что-то умерло.

Я не стал врать:

– Часть леса уничтожена. Восточная полоса. Примерно два гектара.
Елизавета побледнела.

– Могло быть и хуже, – продолжил я. – Огонь шёл к третьей печати. Если бы она сгорела, то весь восточный барьер рухнул бы.

– Но печать цела? – быстро спросила она.

– Цела, больше не о чем переживать. Я очень сильно рисковал, но справился.

Лиза выдохнула. Я протянул к ней ладони, всё-таки помощь лекаря мне сильно пригодится.

Ожоги покрывали кожу от запястий до локтей. Лиза осторожно коснулась моего предплечья, осмотрела ожоги.

– Когда вернёмся, я займусь этим, – сказала она таким тоном, который не допускал возражений. – А сейчас ничего не трогай и не маши руками.

– Слушаюсь, доктор, – улыбнулся я.

Слава, наблюдавший за нами, деликатно кашлянул.

– Барин, нам бы до темноты вернуться. Виктор еле стоит, да и Фёдор не лучше, – напомнил он.

И был прав. Но меня не покидала одна мысль. Если оставить в лесу всё как есть, то восстановление займёт годы. Может, десятилетия. Лес растёт очень медленно.

И тут я вспомнил.

Источник. Тот самый целебный ключ, который вернул голос Фёдору. Вода из него обладала удивительными свойствами — залечила горло охотника за считанные часы. Что, если она может то же самое для леса?

– Слава, – спросил я. – Ты помнишь родник, у которого Фёдор голос вернул?

– Помню, – кивнул охотник. – Недалеко отсюда мы такой же нашли. Только значительно меньше прошлого. Минут пятнадцать на север. Как раз думали отправиться к нему, чтобы залечить наши раны. Но вас раньше встретили.

Видимо, об этом источнике охотники узнали достаточно давно. Но по какой-то причине не хотели мне об этом говорить. Кто знает, может быть, сами хотели использовать воду оттуда. Или же продавать её.

Всё это уже не важно. Сегодня охотники показали себя с лучшей стороны. Они помогли Елизавете, хотя могли этого и не делать. И за это я им искренне благодарен.

– Нам нужна вода оттуда. Хватит сил, чтобы дойти набрать воды? Если не сможете, вернёмся к этому вопросу завтра.

Слава посмотрел на меня, потом на Виктора с Фёдором.

– Барин, Виктор столько не пройдёт, – озвучил он очевидное.

– Виктор и Фёдор пойдут домой со Степаном, – я уже заранее принял решение. – Мы с тобой и Лизой отправимся к роднику.

– Я пойду один, – возразил Слава. – Вам бы тоже домой, барин, вы еле стоите.

– Мне нужно быть там самому, – покачал головой я. – Вода из этого источника — не простая вода. Чтобы она подействовала на лес как надо, я должен направить её сам.

Не совсем правда. Точнее, я не был до конца уверен, что это правда. Но интуиция подсказывала, что просто полить выжженную землю целебной водой — недостаточно. Всё равно что вложить целебные свойства в дождь, что я и сделал ранее. Здесь нужна связь друида с источником.

– Я тоже иду, – заявила Елизавета. – Если вода и правда целебная, мне нужно изучить её свойства. Как целительнице.

Спорить с ней бессмысленно, да и угрозы уже никакой не было, так что отказывать я не стал.

Мы разделились. Степан повёл Виктора и Фёдора к дому. Фонарь я отдал ему — охотникам он нужнее, они оба шли медленно, цепляясь друг за друга. Мы же углубились в лес. Слава впереди, я за ним, Лиза замыкающая.

Шли мы молча. Лес вокруг был мокрый и тихий. После пожара и дождя он будто оцепенел — ни шелеста, ни птичьего голоса. Только хруст веток под ногами и далёкое шипение догорающих углей.

Через пятнадцать минут мы вышли к знакомому оврагу. Родник был на месте, вокруг росла ярко-зелёная трава. Ни одного обгоревшего стебля. Огонь сюда не дошёл, но дело было не только в этом. Даже дым, казалось, обогнул это место стороной.

– Чувствуешь? – Лиза подошла к источнику, достала линзу. – Магический фон здесь совершенно другой. Чище и сильнее. Как будто источник сам по себе создал барьер.

Она опустила линзу в воду. Отдёрнула руку.

– Что? – спросил я.

– Тёплая! – удивилась она. – Из подземного родника!

Я присел рядом, опустил ладони в воду. И почувствовал. Даже без маны, даже с выжженным магическим сердцем почувствовал это.

Вода пульсировала жизнью. Тихо, ровно, как второе сердцебиение. И когда я коснулся её, пульсация усилилась. Будто источник узнал меня.

– Слава, у тебя есть во что набрать? – спросил я.

– Фляга, – он снял с пояса. – Полторы кружки войдёт. Маловато будет.

– Для начала хватит, – я наполнил флягу. – Идём. Покажу вам кое-что.

Мы вернулись к выгоревшей полосе. Дождь уже стих, и запах гари стоял плотной стеной.

Я подошёл к краю выжженного участка. Присел на корточки. Открыл флягу и медленно вылил воду на чёрную, мёртвую землю.

Несколько секунд ничего не происходило. Вода впиталась, как и положено воде — быстро, жадно, без следа.

А потом земля вздохнула. Будто спящий, которого разбудили. По чёрной корке пробежала мелкая рябь. Пепел зашевелился. И прямо на моих глазах, из-под обугленной корки проклюнулись тонкие зелёные ростки.

– Матерь всех богов... – прошептал Слава.

Ростки поднимались не быстро, но заметно. За минуту трава вытянулась на пару миллиметров и продолжала расти. Возник маленький, но отчётливо зелёный островок посреди чёрного пепелища.

Лиза опустила на колени рядом со мной. Подняла линзу. Долго смотрела на происходящее.

– Невероятно! – прошептала она. – Вода заставляет землю регенерировать. Ускоряет естественный процесс в десятки раз. Всеволод, ты понимаешь, что это значит?

– Что мне нужно много этой воды, – сказал я, глядя на зелёный пяточок.

– Не только это. Если изучить состав, понять принцип действия... Это же прорыв! Для медицины, для...

– Лиза, – мягко перебил я. – Давай сперва лес спасём. А потом уже твои прорывы.

Она осеклась. Кивнула чуть смущённо.

Я прикинул масштаб. Полторы кружки воды восстанавливали пяточок травы размером с обеденный стол. А у меня два гектара выжженной земли. Если носить воду флягами или даже ведрами — это сотни ходок.

Но если организовать канал от источника к пострадавшим участкам... Прорыть желоб, направить воду. Использовать корни деревьев как трубопровод. Подключить Полоза, Мха. Постепенно, метр за метром, земля восстановится.

– Пара недель, – сказал я вслух, прикидывая.

– Что? – переспросил Слава.

– Если носить воду каждый день и направлять её правильно, за пару недель можно восстановить всё. Может, быстрее, если я подключу духов.

– Пару недель вместо многих лет? – Слава присвистнул. – Барин, вы точно не святой?

– Точно нет, – усмехнулся я. – Святые не бьют людей по лицу.

Слава хмыкнул. Лиза покачала головой, но уголки губ дрогнули.

Обратно шли мы в темноте. Ноги гудели, голова пустая, тело — одна сплошная боль. Но внутри, где-то глубоко, теплилось чувство, которое я не сразу распознал.

Надежда.

Лес можно восстановить. Печать цела. Духи тоже не пострадали. Шатунов, скорее всего, получит по рукам от Бойкова. Ладыгин подписался на сделку, пусть и с подвохом.

Не самый плохой итог для дня, который начался с топлёного молока.

Мы вышли к поместью около девяти вечера. В окнах горел свет, это Степан ждал. Виктора и Фёдора он уже устроил: уложил в комнате на втором этаже, перевязал, напоил чаем. Митрий сидел в чулане, тихий как мышь.

– Барин, ужин на столе, – доложил Степан. – И я протопил баню, если желаете.

– Желаю, – кивнул я. – Спасибо, тебе бы тоже отдохнуть после всего.

Баня, горячая вода, чистая рубаха, еда. Простые вещи, которые после такого дня казались роскошью.

Лиза ушла к охотникам, чтобы проверить повязки, сменить компрессы. Слава отправился к себе. Я поел, не чувствуя вкуса, просто загружая в себя калории, а затем побрёл в баню.

Горячая вода обожгла ожоги, но потом стало легче. Мышцы расслабились. Боль в теле притихла.

Я сидел на лавке, и думал о том, что завтра нужно начинать восстановление леса. Париться не стал, поскольку с ожогами это сомнительное удовольствие. Но помыться было надо, а другой альтернативы здесь нет, разве что в тазике плескаться.

С утра снова отправлюсь к источнику. Организую доставку воды. Так, нужно составить план...

Мысли путались. Тело наконец-то сдалось усталости. Я натянул чистое бельё, накинул рубаху и побрёл к дому через двор.

И тут почувствовал лёгкое покалывание. Чуть выше щиколотки, на внутренней стороне левой ноги. Как укол иголкой, только слабее. Я не придавал значения — после сегодняшнего дня болело всё, от макушки до пяток. Ещё одна мелкая боль в общем хоре ничего не значила.

Но покалывание не ушло. Наоборот — стало отчётливее. Превратилось в зуд. Потом — в жжение, причём такое, будто что-то впивалось в кожу.

Я остановился посреди двора. Наклонился и задрал штанину.

В свете, падающем из окна кухни, я увидел его. Маленький, чёрный, он сидел на коже чуть выше щиколотки. Раздувшийся, вцепившийся в плоть восемью лапками.

Клещ!

Обычный, казалось бы, лесной клещ. Ничего удивительного. Я полдня провёл в лесу, продираясь через подлесок, лежал на земле, бегал через горящие кусты. Странно, что только один.

Я присмотрелся. И понял, что клещ не был обычным. Вокруг места укуса расплылось тёмное пятно — не красное, как при обычном воспалении, а чёрное. Густо-чёрное, с фиолетовым отливом.

Зуд усилился. Стал горячим, жгучим. Я попытался потянуться к укусу магией — и не смог. Резерв пуст.

А чёрное пятно медленно расширялось.

Глава 3

Я поспешно проскочил в свою комнату. В доме уже все спали. И я решил пока что никого не тревожить. Хотя не исключаю, что мне всё-таки придётся разбудить Елизавету.

Но позже.

Сначала постараюсь разобраться с проблемой сам. Елизавета выступит в качестве тяжёлой артиллерии на тот случай, если я не смогу придумать, как убрать с себя этого чёртового клеща.

Хотя убрать его – не проблема! В прошлой жизни я несколько раз цеплял этих ползучих гадов. И всегда доставал их самостоятельно. Ничего сложного в этом процессе нет.

Проблема – это то, чем для меня может обернуться этот укус. Вокруг места, к которому присосался этот паразит, образовалось огромное чёрное пятно. Такое вижу первый раз в жизни. Я, конечно, не медик, но могу с уверенностью сказать, что в моём мире ни один укус клеща не давал таких симптомов.

Да даже если проигнорировать это пятно, от клещей и без того бывает куча проблем. Ряд инфекционных заболеваний вроде клещевого энцефалита, боррелиоза – и это только малая часть от общего списка. Если не ошибаюсь, болезней от клещей можно подхватить куда больше.

И никакие анализы здесь я сдать не могу. Антибиотики тоже пропить не получится. Придётся искать решение в травах. М-да... И большой же список дел у меня намечается.

А ведь на завтра у меня целая куча планов, которые ни в коем случае нельзя отменить.

Во-первых, нужно отвезти поджигателя в Волгин и сдать властям. И сделать это я должен лично. Больше мне некого с ним отправить. Не хватало ещё, чтобы этот Митрий сбежал!

Во-вторых, я должен пройти до третьей печати, перепроверить её целостность, а затем организовать перенос воды из найденного охотниками источника в выгоревшие участки леса.

И это занятие не на пять минут. Предстоит целый пласт работы. И если я не разберусь с этим проклятым клещом, то ничего из этого не выйдет!

Почернение ноги – это очень нехороший признак. Но прежде чем приступить к лечению, нужно для начала достать из себя клеща. Вполне может оказаться, что он прямо сейчас впрыскивает в меня какой-нибудь яд!

Благо в моём кабинете было всё необходимое для безопасного извлечения этого паукообразного засранца.

Первым делом я обработал место укуса единственным имеющимся у меня антисептиком – экстрактом ромашки усиленной. Это одно из немногих готовых зелий, которые я смог раскопать в своей алхимической лаборатории. Даже изучил рецепт, по которому нужно готовить этот препарат.

Прежде, чем его использовать, достаточно смешать несколько капель экстракта с обыкновенной кипячёной водой – и готово! И можно обрабатывать этим раствором любую рану.

Так я и поступил. Смочил кожу вокруг укуса, затем достал заранее стерилизованный антисептиком пинцет и принялся аккуратно выкручивать клеща из своей ноги.

– Напился уже, зараза... – продолжая доставать паразита, шептал я. – Ну, ничего. Твой пир вот-вот закончится!

Главное в этом деле – не оставить в коже его головку. В принципе, ничего критичного в противном случае не произойдёт. Возникнет обычное воспаление, такое же, как при попадании занозы под кожу. Но лучше всё же перестраховаться.

Наконец, клещ был извлечён. Я положил напившегося паразита на поддон и собрался было уже заняться бинтованием ноги, как вдруг обнаружил, что эта тварь всё ещё может двигаться. Удивительно! Ведь обычно, заполнив брюхо кровью, эти существа долгое время передвигаться не могут.

Я мигом схватил первую попавшуюся под руку банку и накрыл ею клеща.

Тут уже и гадать нечего. Магический. Это очевидно. Мутировал из-за воздействия аномальной зоны. Интересно, а как я должен относиться к таким существам?

К примеру, у меня в лесу живут магически изменённые волки и медведи. Но их трогать нельзя. Как раз наоборот, будучи друидом, я должен их защищать.

Но что насчёт мелких и крайне опасных паразитов вроде этого клеща? Он ведь и других животных может убить своим ядом. И людей, которые случайно окажутся в лесу. Как в таком случае должен поступить я?

Пощадить его и отпустить в лес?

Звучит абсурдно, но, похоже, именно это от меня и требуется. Вот теперь, как бы странно это ни звучало, мне очень не хватает Валерьяна. Самое время старику появиться и рассказать, что он об этом думает. Но он покинул эти земли, чтобы заручиться поддержкой некоего друга.

Уж не знаю, когда он вернётся, и последует ли за ним этот загадочный друг, но пока что разбираться с накопившимися проблемами придётся без его помощи.

А чёрное пятно на ноге продолжало расти...

Я обработал рану и всё же решил обратиться за помощью к Валерьяну. Самого призрака здесь нет, зато у меня скопилась куча самоучителей под его авторством.

Логичнее всего было начать самолечение с поиска информации о паразите.

Стоило пролистать бестиарий, и я тут же обнаружил целый перечень клещей, которые обитают в моём лесу. Оказалось, что их тут больше десяти разновидностей.

Но найти того самого не составило труда. Валерьян аккуратно зарисовал всех паразитов. Поэтому я легко определил, которого из клещей “повезло” подхватить мне.

– Иксодовый клещ. Тип мутации: красный, – вслух прочитал я.

Всё совпадает. Тело у него и в самом деле окрашено в красный цвет. Вот только статья под этим рисунком очень сильно настораживает.

В ней говорится, что при отравлении ядом красного клеща чаще всего приходится ампутировать поврежденную конечность. В противном случае по ней распространится магическая гниль, а в дальнейшем токсические вещества из зоны воспаления начнут перемещаться по всему организму.

– Остановка сердца, смерть, – озвучил я вывод, описанный Валерьяном. – М-да...

На лбу выступил холодный пот. Дело пахнет паршиво. Очаг поражения на коже распространяется. Он уже полностью охватил стопу и начинает подниматься вверх по голени.

Ампутировать ногу? Нет уж... Это не вариант! Я только начал новую жизнь. С одной ногой мне будет сложновато следить за лесом. Да и в целом я не собираюсь лишаться конечности из-за какого-то клеща!

В этот момент в мою комнату кто-то постучал. Странно, кого это ко мне принесло в такой час? Уже давно за полночь. Все обитатели моего особняка должны сейчас спать.

– Войдите! – попросил я.

Дверь приоткрылась, и на пороге моей комнаты появился Виктор Сокольников. Главарь охотников, что поселились в моём особняке.

– Прошу прощения, барин, – приветственно кивнул головой он. – Можно войти?

– Конечно, – ответил я. – Что случилось?

– Не хотел я вас беспокоить в столь поздний час. Просто заметил, что вы ходите туда-сюда по особняку. А мне нужно переговорить с вами наедине. Без лишних ушей, – заявил Виктор. – В том числе и без своих охотников. Не хочу, чтобы они слышали наш разговор.

Вовремя же он пришёл. Хотя... Нет, и вправду вовремя! Уж кто-кто, а охотник должен что-то знать о полученной мной ране. Ему точно приходилось сталкиваться с мутировавшими клещами. Возможно, он знает даже больше, чем Валерьян.

А мне эти знания необходимы.

– Виктор, тема твоего разговора срочная? – уточнил я. – Если нет – я хотел бы сам поговорить с тобой кое о чём.

– Нет, ничего срочного, – помотал головой Виктор. – Я просто хотел попросить у вас прощения, Всеволод Сергеевич.

– Прощения? – удивился я.

– Это... Не важно! Обсудим чуть позже, – махнул рукой Виктор. – Так о чём вы хотели со мной поговорить?

– Мне нужно узнать авторитетное мнение охотника на монстров, – заключил я. – Взгляни. Я задрал штанину и показал Сокольникову свою ногу.

Охотник не удержался. Вскинул брови и присвистнул. Но тут же взял себя в руки. Понял, что это не самая вежливая реакция с его стороны.

– Всеволод Сергеевич, мне уже доводилось видеть такое, – вздохнул он. – Как же вас угораздило?

– Его спроси, – указав на банку с клещом, усмехнулся я. – Приходилось тебе с такой тварью встречаться?

Виктор подошёл к столу, присел на корточки, поморщился от боли. Его раны ещё до конца не зажили, но, по крайней мере, он уже мог свободно передвигаться не только по моему особняку, но и по лесу.

– Вот ведь зараза... – прошептал он. – Красный. Дайте-ка отгадаю, барин... Вы его заметили только после того, как в ногу колоть начало?

– Да, так и есть, – кивнул я. – Как ты это понял?

– Был у меня один соратник с такой же раной. Да упокоят боги его душу... – начал рассказ Виктор.

Начало уже “воодушевляющее”.

– В общем, в таких ситуациях ногу рубят. Да повыше! – Виктор показал ребром ладони на своё бедро. – Но парень тот не послушался. Не захотел ноги лишаться. В итоге этот яд его сгубил.

– Сколько у меня есть времени? – поинтересовался я.

– Не больше суток, – глядя мне в глаза, сказал Виктор. – Пилить надо ногу, барин. Давайте разбудим вашу целительницу. Она молодец, знает толк в лечении. Меня очень быстро на ноги поставила. Думаю, она сможет вам помочь. Да, калекой останетесь, но зато выживете.

Последние слова Виктора я пропустил мимо ушей. В моей голове застряла фраза “меньше суток”. Времени у меня очень мало. На ампутацию я не пойду. Всё-таки я – друид!

Не целитель, но маг жизни. Должен быть способ справиться своими силами.

Вот только есть проблема. Я всю свою ману истратил, чтобы призвать дождь. Перегрузил своё магическое сердце заклятьем третьей ступени.

Точно! Всё это время я искал решение не в тех книгах. Я уже пролистал весь бестиарий и справочник лекарственных трав. Но в алхимии я пока что не силен. Быстро найти ингредиенты и изготовить очищающее зелье я не смогу. Физически не успею.

Нужно, как и всегда, положиться на свои собственные силы. На друидическую магию.

Я поднялся. Хромая, пошagal к полке, где лежал справочник Валерьяна.

Точно помню, что там была полезная информация. Раздел, который я до сих пор толком не изучил. И ведь сам старик говорил мне, что пора бы уже освоить целительский аспект, которым может владеть друид.

Что ж, заранее я это не сделал. Ничего! Освою сейчас!

Однако в голове уже начало мутнеть. Сначала от висков к затылку разлилась тянущая боль. Я пошатнулся, схватился за полку, но всё же смог устоять на ногах.

– Всеволод Сергеевич! – Виктор подбежал ко мне, собрался было меня подхватить, но я его остановил.

– Не надо. Я сам. Сядь пока, Виктор, – попросил я. – Помню, что ты пришёл поговорить, но всё же придётся подождать. Для начала я должен разобраться со своей раной. Если хочешь – можешь пока идти спать. За меня не беспокойся. Я к утру буду уже как огурчик.

– Не могу, – твёрдо сказал он. – Я останусь здесь. Буду ждать сколько потребуется. Вы нас в беде не бросили тогда... – он помрачнел. – Когда мы вервольфов разозлили. Вот и я вас не брошу. Только подумайте дважды. Я бы на вашем месте уже начал прощаться с ногой.

Сокольников повторил свой совет в последний раз, но больше настаивать на своём мнении не стал. Уселся на диван и принялся наблюдать за тем, как я сам решаю свою проблему.

В целом я был рад, что он всё-таки остался. Я настроился справиться с этой болезнью сам, но страховка мне не повредит. Будет лучше, если рядом останется человек, который проследит за мной. Если яд возьмёт верх и я потеряю сознание, мне всё же понадобится посторонняя помощь.

Ага... Нашёл! Почти в самом конце справочника в разделе “Медитации” находилась методика, без которой я уж точно никак не справлюсь.

“Повторное пробуждение”.

В этом разделе Валерьян описывает, что нужно делать при перегрузке магических каналов. А именно это со мной и случилось. Я уж было решил, что это конец и свои силы я потерял безвозвратно.

Но это не так.

По словам давно почившего друида, нужно найти сильное место. То, которое принадлежит мне. И в данном случае речь идёт не обо всём лесе, а о конкретной точке.

Место, с которым я могу себя связать.

Если провести медитацию там, мой организм перезапустится и я снова обрету возможность колдовать. Да уж... Здорово же этот проклятый пожар по нам ударил. И лес мой сгубил, и меня лишил магии.

Но сегодня я это исправлю. Осталось только понять, где находится то самое место, которое мне дороже всех остальных.

Хм... Может, имеет смысл посетить ту часть леса, где я впервые ощутил себя в новом теле? Да, точно! Что может быть для меня важнее, чем это место? Там я начал новую жизнь.

– Виктор, мне нужно немного пройтись, – я закинул в сумку справочник и приготовился к походу. – Ты со мной?

– Спрашиваете ещё, барин, – усмехнулся он. – Конечно. Заодно поговорим по дороге.

Ночь. Сверчки поют. От их стрекота даже в ушах свербит. Над лесом поднялась полная луна.

Степан, Елизавета, Архип и остальные охотники уже давно спят. Только мы с Виктором тащимся чёрт знает куда. В лес. Навстречу неизвестному. Я ведь и в самом деле не знаю, получится ли у меня справиться с токсином, циркулирующим по моему телу.

Эх и неловко же выйдет, если Валерьян вернётся с подмогой, а я уже и сам стал призракком!

Мы с Виктором забрели вглубь леса. Идти оставалось недолго. Не больше километра. Я освещал наш путь масляной лампой. Виктор выглядел хмурым. Что-то сильно его тревожило. И лишь через десять минут после отбытия он наконец заговорил.

– Я хотел попросить у вас прощения, Всеволод Сергеевич. И поблагодарить вас, – заявил он. – Собственно, поэтому я к вам и пришёл посреди ночи.

– Не помню, чтобы ты в чём-то передо мной провинился, – подметил я. – Ах да... И давай уже перейдём на “ты”. Я ведь помню, что ты такой же бастард, как и я.

– Непризнанный, – подметил он.

– Какая разница? Твои охотники пусть и дальше обращаются ко мне как к дворянину. А между собой мы можем не любезничать, – произнёс я. – Не вижу в этом никакого смысла.

– Спасибо, Всеволод, – едва заметно улыбнулся Виктор. – Но я всё же перед тобой провинился. Не знаю, рассказал ли тебе правду Слава, но вообще-то это я виноват в том, что тебе пришлось с вервольфами вместо нас схватиться. Я не сразу понял, что там была самка с выводком. Нужно было иначе действовать. В итоге мы чуть не погибли, а всё дерьмо, уж прости за выражение, разгребать пришлось тебе. Хотя это не твоя обязанность.

– Ерунда, – помотал головой я. – Всегда мечтал смахнуться с вервольфом.

– Правда?

– Нет, – усмехнулся я. – Шучу, чтобы поддерживать себя в сознании. Но ты зря извиняешься, Виктор. Ты уже вернул свой долг. Увёл Елизавету в лес, когда за ней пришли. А теперь идёшь вместе со мной в глушь посреди ночи.

– Хм... – поджал губы Сокольников. – А я в тебе ошибся, Всеволод Дубровский. Зря я с тобой общался в таком тоне... Когда мы впервые встретились, я и мои люди ели твою пищу. И насмехались над тобой. Потому что набрались лживых слухов. Я позволял себе говорить с тобой, как с каким-то...

– Забудь, – попросил я. – Мы плохо знали друг друга. Главное, что сейчас могли найти общий язык.

– И всё же я тебе очень благодарен, Всеволод. Ты позволил мне и моим людям остаться. Ты не представляешь, как важна для меня эта охота, – заявил Виктор.

– Чем же она так важна, если не секрет? Доходностью? – предположил я.

Виктор промолчал. Долго сомневался, стоит ли дать ответ на мой вопрос. Но всё же решился.

– Видишь этот шрам, Всеволод? – он указал на своё лицо. На незрячий глаз, который пересекала уродливая полоска. – Ты удивишься, но этот глаз – то, что нас с тобой отличает.

– Ну, у меня такого точно нет, это факт, – с иронией ответил я. – А если серьёзно, к чему ты клонишь?

– Мы оба бастарды. Ты и я. Фамилия мне досталась от матери. Отец не решился взять меня в семью. Не признал меня. Этим мы с тобой и отличаемся, – заявил Сокольников.

– погоди, ничего не понимаю, – я поморщился, поскольку по моему лицу ударила ветвь дерева. Из-за отсутствия маны лес перестал меня слушаться. Не понимал, что через него идёт друид. – Отец не принял тебя из-за какого-то шрама?

– Всё куда сложнее, – покачал головой Виктор. – Этот шрам оставил мой младший брат.

– А я думал, что ты его от монстра получил.

– Именно, Всеволод. От монстра, – кивнул Виктор. – Мой брат в него обратился. И когда это случилось, он меня ранил. Это произошло десять лет назад. Мне тогда было всего лишь пятнадцать лет.

Так... История явно запутанная. Но пока что меня больше всего удивляет возраст Виктора. Я думал, что ему уже далеко за сорок.

– Что? Думал, будто я старик? – расхохотался он. – Нет, Всеволод. Это на мне так жизнь отыгралась. Я старше тебя лет на пять, не больше. Представь себе, бывает и такое!

– погоди, ничего не понимаю, – помотал головой я. Мы уже почти подошли к месту, где я впервые ощутил себя в теле Всеволода Дубровского. Стоило бы поспешить, но мне было любопытно разобраться в истории своего нового соратника. – Каким образом твой брат стал монстром? И почему в итоге отец тебя не принял?

В целом, удивляться тут нечему. Бастардов признают не так уж и часто. И наследство им передаётся в исключительных случаях. Тут моему предшественнику жутко повезло. Когда Сергей Дубровский лежал на смертном одре, у него не оставалось выбора. Наследников не было, кроме одного единственного бастарда. Человека, который впоследствии стал мной.

У Виктора ситуация сложилась совершенно иначе.

– Мой отец уже был готов признать нас с братом, – объяснил Виктор. – Но Павел... Мой младший брат обратился в чудовище. Ранил меня. И сбежал в аномальную зону. Отец испугался. Решил, что и я могу обратиться в монстра. И не стал меня признавать.

– А почему твой брат вообще превратился в монстра? – поинтересовался я. – Не знал, что такое возможно. Разве для этого не должны случиться какие-то мутации? Вы ведь не в аномальной зоне жили?

– Его проклинали, Всеволод. История долгая, – вздохнул Виктор. – Важно лишь одно. После того, что случилось, я решил стать охотником на монстров. Чтобы найти брата и... Ну, ты понимаешь. Избавить его от страданий. И что самое главное – мне удалось найти его следы. В твоём лесу.

– В моём?! – оторопел я.

– Прости, что не рассказал сразу. Но это правда. Да, Всеволод. Он где-то здесь. Бродит в дальних участках твоего леса. Иногда уходит в аномальную зону, но всегда возвращается, – объяснил Виктор. – Я нашёл его следы. Но мне пришлось убежать. Твой лес слишком опасен. Даже с имеющимся у меня опытом, я пока что не готов столкнуться с тем, что обитает там.

Всё ясно... Значит, брат Виктора Сокольников обитает на территории Тенелиста. Мага, который решил отнять у меня мой же собственный лес.

Вывод из этого следует только один.

– Значит, теперь мы союзники, Виктор, – заключил я. – Мне тоже нужно попасть в те места, где бродит твой брат. Не беспокойся. Мы достанем его вместе. Если я переживу эту чёртову ночь!

Как раз в этот момент мы добрались до того самого места, где я стал Всеволодом Дубровским.

До боли знакомый участок. Дуб, около которого я проснулся, а напротив – пень. Рядом с этим пнём меня и встретил старик Валерьян.

Я попытался совершить медитацию, но ничего не вышло. Погрузиться в транс, как это описывалось в книге, не получилось. И что же это значит?

В самоучителе друида ведь сказано, что я должен найти своё собственное “сильное место”. Самый дорогой для меня участок земли в этом лесу. Но где же он, если не здесь?

Точно... Как же я сразу не догадался!

Разумеется, он находится в другом месте. И нет, это – не особняк. Жить я могу где угодно. Даже в землянке, если потребуется. Есть в этом лесу здание, которым я сейчас одержим.

Старая лечебница. Начало моего будущего санатория. Чуть ли не с самого первого дня я горю идеей создать в этом лесу место, где люди смогут оздоравливаться. Место, которое будет давать жизненные силы людям. А в ходе этого обмена я смогу получать достойный доход.

Вот он – смысл моей жизни в данный момент. Один из смыслов.

И ведь это место таит в себе ещё одну загадку. По какой-то причине именно лечебница стала укрытием для всех духов, когда начался пожар. Огонь не смог досюда добраться.

Почему? Потому, что это место так для меня важно? Или же есть другая причина?

– Нужно пройти ещё немного, Виктор, – я улыбнулся через боль. Моё тело уже начало гореть от яда, который я подхватил от клеща.

Сокольников не стал со мной спорить. Мы добрались до здания лечебницы, и оказавшись внутри, я смог провести обряд повторного пробуждения.

Потерял сознание на несколько минут и воспрял вновь. Моё магическое сердце вновь забилося. Тело начала заполнять тёплая магическая энергия. Мана.

Я ощутил прилив сил. Удовольствие, которое обычно возникает в тот момент, когда ты чем-то заряжен. Когда радуешься достигнутой цели и готов перейти к следующей. Словно попил холодной воды в жаркую погоду после долгого трудового дня.

Другими словами, я вновь пробудился.

– Поверить в это не могу... – прошептал Виктор Сокольников. – Я вижу вокруг тебя ауру. Магическую ауру! Вижу своими глазами!

И это, кстати, не менее удивительно. Я полагал, что обычные люди не способны видеть магию. Или же Виктор – не обычный человек?

В нём течёт кровь неизвестного дворянина. Кто знает? Быть может, в нём тоже спят какие-то магические способности?

– Пара минут, Виктор, – попросил я. – Остался всего один штрих.

Я открыл самоучитель Валерьяна, нашёл раздел, в котором описывались лекарские навыки. И обнаружил единственное заклятье, которое могло спасти меня от неминуемой гибели.

“Очищение крови”.

Я вышел из лечебницы, присел и положил руки на траву. Мысленно прочёл это заклятье.

И моя мана сразу же начала убывать. Сработало! Чёрная зона на ноге уменьшилась. Слабость исчезла. Природа забрала токсины из моего тела.

Я смог излечить себя даже при том, что в трактате требовалось ампутировать ногу! Представляю, как будет оправдываться Валерьян, когда я расскажу ему о произошедшем!

После проведения целительского ритуала мы с Виктором вернулись домой. Этот небольшой поход здорово нас сблизил. Я стал больше доверять охотникам, что поселились в моём особняке.

А ведь Елизавета твердила, что из-за них у неё плохое предчувствие! В итоге вышло наоборот. Охотники спасли ей жизнь. Помогли мне. И теперь я собираюсь помочь им в их нелёгком деле. Вероятно, мы даже сможем вместе работать во благо моего леса.

А ситуация начала налаживаться!

Кроме того, я осознал, что мою новую целительскую способность можно будет использовать в санатории. Как конкретно – подскажет Елизавета. В любом случае теперь я могу исцелять людей от отравлений. И хронических, и острых, если верить книге.

На следующий день мы со здоровяком Славой достали из каморки Митрия, а затем повезли поджигателя в город. Пришлось потратить пятьдесят копеек, чтобы нанять повозку в Васильевке.

Я не мог позволить обычным крестьянам ехать вместе с опасным преступником.

Волгинская полиция с радостью приняла пойманного нами злоумышленника. Как оказалось, эту шайку пытались поймать целых пять лет. Правда, в руки закона я смог передать лишь одного из троих, но мне в итоге заплатили аж за троих.

Целых пятьдесят рублей.

А это – огромная сумма! Перед отбытием в свои края я вновь заглянул в телефонную компанию и рассказал, что в ходе потасовки мне поломали только что установленный ими телефон. Пришлось доплатить несколько рублей за повторную установку. Благо специалист согласился поехать вместе с нами.

Также доплатил остаток своего долга – двадцать пять рублей. Которых мне не хватило, чтобы полностью расплатиться в прошлый раз.

Как только мы вернулись в мой особняк, я провёл мастера в дом, чтобы тот починил телефон, а сам принялся готовиться к выходу в лес.

Самое время разобраться с последствиями пожара. Клеща я перенёс в свою лабораторию. Решил его пока что не выпускать. Было у меня предчувствие, что он ещё может пригодиться.

К целебному источнику со мной пошёл только Слава. Виктор и так сполна набродился по лесу этой ночью. Однако перед посещением ручья мной было принято решение заглянуть в ещё одно место.

В ту часть леса, где совсем недавно погибли двое преступников. Их кровь окропила землю. И это должно было превратить деревья в монстров.

Однако...

Оказавшись на месте, мы со Славой обнаружили, что ничего не изменилось.

– Зря вы переживали, барин, – пожал плечами охотник. – Всё здесь нормально. Монстрами и не пахнет. Смотрите, деревья после пожара уже начали восстанавливаться!

– Тихо! – перебил его я. – У нас есть проблемы.

И серьёзные.

Ведь те деревья, около которых ранее лежали тела сгоревших преступников, исчезли. Три дуба испарились. Остались лишь ямы, в которых когда-то укоренились их стволы.

А за нашими спинами что-то шуршало. Перемещалось по лесу.

Тут я и понял, что деревья ушли сами. Они всё-таки стали чудовищами, как и говорил Валерьян.

И сейчас они бродят рядом с нами.

Жаждают крови.

Глава 4

Лес боялся.

Я ощутил это сразу – ещё до того, как увидел хоть что-то подозрительное. Тонкий, почти неуловимый импульс прошёл по моему сознанию, словно дрожь, которую испытывает земля перед грозой.

Деревья вокруг нас замерли. Не шелестели ветвями. Не гнулись на ветру. И это было странно.

А ведь ветер-то был. Ночной дождь принёс с собой прохладный, настойчивый поток воздуха, который гулял между стволами. Но деревья не отзывались на него. Они будто притворялись мёртвыми.

Нет, не притворялись. Они прятались.

– Барин, – тихо позвал Слава. Здоровяк стоял рядом, сжимая своё шомпольное ружьё. Штука надёжная, проверенная – Слава снаряжал его сам, примешивая к пороху особые травы, которые монстры не переносят. – Что-то здесь не так, ты прав. Странное у меня ощущение в этом месте, словно на кладбище стою.

– Знаю, – ответил я.

Три ямы зияли перед нами. Три чёрные дыры в земле – там, где ещё вчера стояли дубы. Корни были вырваны из почвы, оставив после себя рваные борозды, словно кто-то гигантскими пальцами выдернул деревья, как морковку с грядки.

Но на самом деле они ушли сами.

Я присел на корточки у края одной из ям и коснулся ладонью влажной земли. Закрыв глаза. Мана, восстановленная прошлой ночью, потекла через меня в почву, как тёплая вода – мягко, неторопливо.

Искал связь. Ту самую ниточку, которая привязывает друида к каждому живому существу в его лесу.

И нашёл.

Это ощущение трудно описать словами. Словно я стою в тёмной комнате и чувствую, как за моей спиной кто-то дышит. Я не вижу наблюдателя. Не слышу шагов. Но точно знаю, что он здесь. Между лопатками ползёт холодок. Каждый волосок на теле встаёт дыбом.

Лес мне подсказал. Не словами, но образами. Три тёмных силуэта, тяжёлых, медленных, бредущих на юго-восток. Прочь от сторевавших участков. Прочь от людей. Туда, где гуще чаща, где темнее. Где можно спрятаться и ждать.

Ждать крови.

– Они в полутора верстах от нас, – произнёс я, поднимаясь на ноги. – Двигаются медленно. Уходят вглубь леса.

Слава молча кивнул и перехватил ружьё поудобнее.

– Идём, – коротко бросил я. – Нужно успеть, пока они не забрались слишком далеко. Потом найти их будет совсем непросто.

Мы двинулись на юго-восток. Я шёл первым, ориентируясь на тот мутный сигнал, который продолжал поступать из глубины леса. Деревья вокруг нас отодвигали ветви. Освобождали путь.

Я чувствовал, как они подталкивают меня вперёд – настойчиво, нетерпеливо. Через ментальную связь накатывали образы: три тёмных пятна на фоне зелёного, живого. Три язвы. И одновременно с образами приходила тревога, почти мольба. Лес просил меня скорее разобраться с этой проблемой.

Лес боялся, что заражение распространится. Что и другие деревья начнут меняться. А потому вокруг было очень беспокойно.

– Барин, а ружьё-то поможет? – уточнил Слава, когда мы перешагивали через поваленный ствол. – Я, конечно, травами пули снарядил, как положено. Но это ж не волк и не медведь. У дерева кора гораздо прочнее, а на таких монстров, признаюсь тебе честно, мне охотиться не доводилось.

– Ружьё – это на крайний случай, – ответил я. – Надеюсь, без него обойдёмся.

– А если не обойдёмся?

– Тогда стреляй в корни. Травы их ослабят, а мне этого будет достаточно.

– В корни, – повторил Слава. – Понял. Стреляю в корни у деревьев, которые ходят. Ну, самый обычный день.

Я усмехнулся. Юмор Славы был хорош. Моя нога, ещё вчера едва не ампутированная, побаливала при ходьбе. Яд клеща я вывел, но мышцы ещё ныли, кожа вокруг бывшего укуса была чувствительной.

Ничего. Бывало и хуже. Я по крайней мере жив и больше без перспективы ампутации.

Минут через двадцать лес начал меняться. Деревья здесь росли плотнее, стволы стояли стеной, кроны переплетались, почти не пропуская солнечный свет.

Под ногами хрустела сухая хвоя, и этот хруст казался неестественно громким. Как будто лес намеренно усиливал каждый звук, чтобы мы были начеку.

А потом я почувствовал искомых. Три дуба. Тяжёлые. Злые. И самое главное – голодные.

– Стой, – я поднял руку.

Слава замер и поднял ружьё. Приложился к прикладу.

Впереди, за плотной стеной подлеска, что-то двигалось. Медленно, с тяжёлым, утробным скрипом. Так скрипят старые половицы под весом грузного человека. Только сейчас источник этого скрипа был куда массивнее любого человека.

Первый дуб вышел на открытое пространство.

Слава сплюнул. Одно дело – знать, что деревья могут ходить. Другое – увидеть это своими глазами.

Дерево шагало на собственных корнях. Толстые, узловатые отростки, обычно скрытые под землёй, теперь служили ему ногами. Шесть или семь основных корней поочерёдно поднимались и опускались, вгрызаясь в почву, подтягивая за собой массивный ствол. Кора почернела, покрылась чем-то вроде смоляных нарывов, из которых сочилась тёмная, дурно пахнущая жидкость.

Но самое жуткое – это было дупло.

На высоте моего роста ствол раскалывался, образуя широкую щель, похожую на пасть. Внутри неё пульсировало что-то красное.

– Ну и дрянь, – прошептал Слава. – Барин, оно ведь живое?

– Ещё как живое, – ответил я. – Просто теперь оно изменилось.

Но времени с проливания крови прошло мало, трансформация недавно началась. Возможно, мне удастся спасти эти деревья.

Надо хотя бы попробовать.

Забавно, вот если бы мне в прошлой жизни кто-то сказал, что я встану на защиту дубов, то я бы этого человека послал далеко и надолго. Ещё раз осознаю, как сильно могут меняться люди, если того требуют обстоятельства. Или желания. А в моём случае – и то, и другое.

Второй и третий дубы появились следом. Они двигались клином, как волчья стая. И все три «пасти» были повёрнуты в нашу сторону.

Они нас почувствовали.

– Слава, не стреляй, пока я не скажу, – предупредил я.

– А если оно прыгнет, барин? – напрягся он.

– Деревья не прыгают.

– Вчера они и не ходили! – резонно возразил охотник.

Тоже верно.

Я сделал глубокий вдох. Сосредоточился. Мана потекла от магического сердца к ладоням. Тепло разлилось по всему телу.

Первый дуб ускорился. Земля содрогнулась от его шагов. Корни вспахивали почву, как плуги. Дерево несло на нас – не быстро, но неумолимо.

– Сева!.. – Слава держал палец на спусковом крючке.

– Жди!

Я положил обе ладони на землю. Закрыв глаза. И потянулся к дубу на ментальном уровне. Так же, как тянулся к лесу, когда искал их.

И тут меня накрыло.

Почувствовал боль, ярость и дикий голод. Это не были человеческие эмоции – скорее их первобытные, искажённые подобию.

Дерево страдало. Чужая кровь, впитанная корнями, отравила его. Изменила. Превратила в нечто противоестественное. И теперь оно хотело одного – избавиться от этой муки. Единственным способом, который понимало: найти источник боли, уничтожить его, напиться кровью, заглушить страдание.

Порочный круг. Чем больше крови – тем сильнее мутация. Чем сильнее мутация – тем невыносимее боль. Чем невыносимее боль – тем отчаяннее жажда крови.

Но я увидел кое-что ещё. Под слоем скверны, под чёрной коростой магической заразы ещё были сохранены несколько магических каналов. Здоровые, какие есть у всех растений в этом лесу. Не тронутые мутацией.

Каналы ещё помнили, каково это – быть просто деревом. Стоять на месте, тянуться к солнцу, пить воду из почвы.

Первый дуб был уже в десяти шагах от нас.

Мана хлынула из меня потоком прямо в землю. Через корни, почву, через тысячи невидимых нитей, связывающих меня с этим лесом.

Я нащупал корни первого дуба – те самые, что несли его, как уродливые ноги – и вцепился в них.

«Очищение крови».

Заклятье, которое спасло мне ногу прошлой ночью. Тогда я очищал собственное тело. Сейчас попробую очистить чужое. Дерево – не человек, но принцип тот же. Яд есть яд. А мана – это жизнь, а жизнь всегда стремится к чистоте.

Дуб остановился.

Заскрипел. Застонал – иначе не скажешь. Из его «пасти» вырвался хриплый, скрежещущий звук. Кора на стволе задрожала. Чёрные нарывы начали лопаться, извергая из себя тёмную жижу, которая шипела, касаясь земли.

Дереву было больно.

– Держись... – прошептал я, обращаясь к дубу. – Потерпи. Я вытяну эту дрянь.

Мана убывала стремительно. Гораздо быстрее, чем когда я лечил себя. Живой организм весом в несколько тонн – это отнюдь не человеческая нога. Я стиснул зубы и продолжил.

Второй дуб подошёл ближе. Остановился рядом с первым. Третий – следом. Все три стояли передо мной полукругом, и я чувствовал, что два оставшихся наблюдают. Ждут. Словно понимают, что происходит.

Или, может быть, чувствуют, как первому становится легче. Трансформация произошла совсем недавно, и возможно, мне удалось достучаться до чего-то живого и здорового, скрытого внутри.

Чёрное пятно на стволе сокращалось. Медленно, но я видел, как здоровая, светло-коричневая кора проступает из-под слоя гнили. Как затягиваются нарывы. Как «пасть» на стволе начинает закрываться, стягиваясь, словно рана.

Наконец первый дуб замер окончательно. Корни его ослабли. Медленно, с усталым скрипом, они начали погружаться обратно в землю. Дерево оседало. Возвращалось домой.

Я перевёл дыхание и тут же потянулся ко второму. Маны оставалось меньше трети. Нужно было экономить, и я постарался направить поток точнее, бить в самый центр заражения, не распыляясь.

Второй дуб поддался быстрее. Может, потому что он уже был готов. Видел, что произошло с первым, и не сопротивлялся. Его скверна оказалась не такой глубокой – кровь пропитала его корни не так сильно, как корни первого.

Третий...

С третьим вышло иначе.

Когда я коснулся его сознания, на меня обрушилась волна чистой, неразбавленной ярости. Этот дуб не хотел возвращаться. Ему понравилось ходить. Понравилось ощущать силу, которую давала чужая кровь. Он сопротивлялся очищению, как больной сопротивляется горькому лекарству.

Мана была уже на исходе. Двадцать процентов от силы.

– Слава, – прохрипел я. – Теперь стреляй!

Грохнул выстрел. Пуля, снаряжённая порохом и травами, врезалась в толстый корень третьего дуба. По коре побежали мелкие трещины, из которых повалил едкий дым – тварь корчилась от запаха трав, которые были примешаны к пороху.

Дерево содрогнулось. Отступило на шаг, подволакивая раненый корень.

– Ещё раз! – крикнул я.

Слава уже лихорадочно перезаряжал ружьё – забивал пулю шомполом, засыпал порох травами. На перезарядку уходили драгоценные секунды, но здоровяк управился быстро.

Второй выстрел. Пуля ударила в ствол, расщепив кору рядом с «пастью». Дуб пошатнулся. Едкий дым от трав окутал его, и я почувствовал, как сопротивление ослабло – на мгновение, но этого хватило.

И в этот момент я вложил последние остатки маны в заклятье.

Удар получился точным. Я направил весь поток в самую сердцевину заражения – туда, где чужая кровь вьелась глубже всего. И вырвал скверну с корнем.

Третий дуб закричал. Его корни подломились, и он рухнул.

Земля приняла его обратно, как мать принимает блудного сына. Корни вгрызлись в почву, разошлись во все стороны, углубились.

Я опустил на одно колено. Мана была уже на нуле. В теле поселилась тяжесть, как после целого дня рубки дров.

– Барин! – Слава подбежал. – Живой?!

– Живой-живой, – ответил я ровно и поднялся сам, не дожидаясь помощи. – Просто израсходовал всю ману. Через пару часов восстановлюсь, надеюсь.

Все три дуба стояли на новых местах, а мне не нужно было возвращать их именно в изначальное положение. Неподвижные. Молчаливые.

Кора на их стволах была ещё потемневшей, но нарывы исчезли. «Пасти» затянулись. Из-под почвы, вокруг вернувшихся корней уже начала пробиваться молодая трава.

Страх леса ушёл. Я больше не ощущал его. Вместо тревоги от деревьев шло нечто иное – тёплое, спокойное. Благодарность, если такое слово применимо к деревьям.

– Чисто сработали, барин, – Слава опустил ружьё и покачал головой. – Даже не верится, что пришлось с деревьями сражаться.

Я достал из сумки флягу с целебной водой – набрал утром из источника, который нашли охотники. Отвинтил крышку и начал поливать корни первого дуба. Вода впитывалась мгновенно, будто почва была мучительно сухой, хотя вчера и прошёл дождь.

Полил второй. Третий.

И остановился, наблюдая.

Через несколько минут вокруг трёх дубов начала подниматься трава. Из почерневшей, мёртвой земли полезли зелёные ростки. Пробились сквозь корку золы. Развернули крошечные листья.

На одном из дубов набухла почка. Потом вторая. Третья.

– Ну что, – я поднялся и отряхнул колени. – Получилось.

Лес вокруг нас ожил. Зашелестели ветви, заскрипели стволы – но не тревожно, а мирно, по-домашнему. Где-то в кронах запела птица.

Я уже собирался двинуться в обратный путь, когда вспомнил о вчерашнем рассказе Виктора, чей младший брат превратился в чудовище.

А я только что очистил от заражения три дуба.

Мысль была очевидной. Настолько очевидной, что я удивился, почему она не пришла мне в голову раньше.

Стоит попробовать, если мы его найдем. Хотя надежда и невелика, поскольку от момента заражения прошло слишком много времени. Но попробовать стоит.

Мы вернулись к особняку ближе к полудню. Виктор ждал на крыльце – курил трубку, щурясь на солнце здоровым глазом. Увидев меня, встал. Видимо, по моему лицу понял, что случилось что-то из ряда вон.

– Деревья-таки ожили? – коротко спросил он.

– А потом вернулись в землю, – ответил я.

– Убил?

– Нет, вылечил. Хотя это было непросто.

Виктор замолчал. Трубка замерла у его губ. Он смотрел на меня так, будто я произнёс нечто совершенно невозможное. Будто сказал, что земля плоская, или что вода горит.

– Повтори, – попросил он.

– Я вылечил их, Виктор, – сел на ступеньку крыльца. Тело было тяжёлым, как после долгого марш-броска, но голова работала чётко. – Очистил. Тем же заклятьем, которым спас свою ногу от клещевого яда. Они вернулись в землю и теперь снова растут там, как будто ничего не было.

Я видел, как меняется лицо Сокольников. Как сквозь привычную маску бывшего охотника проступает нечто другое. Что-то, что этот человек тщательно прятал ото всех – может быть, даже от себя самого.

Надежда.

– Всеволод, – голос Виктора дрогнул. – Ты хочешь сказать, что обратный процесс... возможен?

Я посмотрел ему в глаз. В тот самый – единственный зрячий. И увидел в нём то, что видел раньше только у себя. Отчаяние, загнанное в угол. Задавленное, спрятанное под бронёй цинизма и опыта, но живое. Готовое вспыхнуть при первом же поводе.

Мне не хотелось давать ему ложную надежду. Потому что ложная надежда – хуже, чем никакой.

Я качнул головой.

– Прошло слишком много времени, Виктор. А те деревья заразились совсем недавно. Скверна не успела проникнуть глубоко. Твой брат... Я не знаю, что там осталось от него. Мутация, которая длится столько лет, может быть необратимой

– Но ты можешь попробовать, – констатировал он.

Я вздохнул. Хотя и сам пришёл к такому же выводу недавно.

– Могу. Но результата не гарантирую. Я даже не знаю, подействует ли моё заклятье на человека, превращённого проклятием. Деревья – это одно. Человек – совсем другое. Тем более проклятый.

– Мне достаточно твоего обещания, – Виктор отвернулся. Плечи его дрогнули – едва заметно, на долю секунды. Потом он справился с собой. Повернулся обратно, и его лицо снова было прежним: жёстким, обветренным, с привычным прищуром. Но глаз – единственный уцелевший – блеснул иначе.

Я кивнул. Что тут скажешь? Слова были бы лишними.

– Разберёмся, – только и произнёс я. – Обещаю: когда придёт время, мы пойдём за ним вместе.

Виктор коротко, резко кивнул. Развернулся и ушёл в дом. Я его не окликнул. Человеку нужно побыть одному. Переварить услышанное.

После обеда я вновь собрался в дорогу. На сей раз – в Васильевку. Целебный источник требовалось подвести к выгоревшим участкам леса, а для этого нужны были рабочие руки и плотницкие навыки.

Слава, разумеется, снова увязался со мной. После утренних приключений здоровяк, похоже, решил, что отпускать меня одного куда бы то ни было – дурная примета.

Васильевка встретила нас привычной картиной: покосившиеся заборы, ленивые куры на пыльной дороге, бабы у колодца, мужики на завалинке. Мирная, сонная деревушка, в которой, казалось, время остановилось лет двести назад и с тех пор не двигалось.

Плотника я нашёл не сразу. Сперва обратился к старосте – тот развёл руками и сказал, что единственный путный мастер в деревне – Гаврила Лузин. Живёт на дальнем конце, у оврага.

Гаврилу мы отыскили за его избой, где тот строгал доску. Невысокий, жилистый мужик лет сорока, с рыжеватой бородкой клинышком и хитрыми, прищуренными глазами. При виде нас он отложил рубанок, вытер руки о передник и поклонился – коротко, без подобострастия.

– Здгавия желаю, багин, – произнёс он. – Чем могу служить?

Картавил Гаврила знатно. Буква «р» давалась ему с таким трудом, что он, казалось, каждый раз вступал с ней в личную схватку – и каждый раз проигрывал.

– Мне нужен плотник, Гаврила, – объяснил я. – Есть работа, причём хорошо оплачиваемая.

– Какого года габота?

– Нужно подвести воду из лесного источника к определённомu участку. Построить желобы. Может быть, небольшую запруду. Сможешь?

Гаврила почесал бороду. Прищурился ещё сильнее, отчего его глаза почти исчезли.

– Ну, желоб – дело нехитрое, – рассудил он. – Надо бы взглянуть на то место. Откуда вода, куда вести, какой уклон. На глазок-то не скажу.

– Тогда пойдём, – предложил я. – Сейчас и покажу.

– Пгямо сейчас? – Гаврила окинул взглядом недостроганную доску, вздохнул и махнул рукой. – Ну, пгямо сейчас так пгямо сейчас. Пойдёмте, багин. Заодно ноги газомну.

Мы втроем двинулись к лесу. Слава шагал рядом, помалкивал.

Гаврила, напротив, оказался разговорчив. За полчаса пути я узнал, что у него пятеро детей, жена с характером, корова с норовом и изба с протекающей крышей, на починку которой вечно не хватает ни денег, ни времени.

Когда мы добрались до источника, Гаврила замолчал. Присел на корточки у ручья, зачерпнул воды ладонью, попробовал.

– Добгая водица, – констатировал он. – Целебная.

Потом встал и начал деловито осматривать местность. Прошёлся вдоль русла ручья. Потрогал камни. Измерил что-то на глаз, прикидывая расстояние до обгоревших участков, которые я ему указал.

– Значит так, багин, – наконец произнёс Гаврила, повернувшись ко мне. – Фгонт габот такой. Гучей идёт с возвышенности – это хогошо. Уклон есть, вода пойдёт самотёком. Желоб нужен длиной саженой в тгиста, не меньше. С двумя повоготами. По пути нужно огганизовать

запгуду, чтобы вода накапливалась и газдавалась газмегенно. Без запгуды-то она гекой потечёт, а толку не будет – ни напогу, ни уговня.

– Звучит разумно, – кивнул я. – Что для этого нужно?

– Лес, – просто ответил Гаврила. – Много дегева. Для желоба пойдут сосновые половины – их надо газлушить, выбгать сегдцевину. Для запгуды нужен дуб или, на кгаиний случай, ольха. Пять-шесть взгослых дегевьев, не меньше.

– Пять-шесть?

– Самое малое, – подтвердил мастер. – А ведь ещё стойки нужны, и кгепёж, и...

Он осёкся, увидев моё лицо.

– Бгать можно отсюда, – он кивнул на лес вокруг. – Дегевьев-то хватает.

– Нет, – покачал головой я. – Рубить этот лес нельзя ни при каких обстоятельствах.

Гаврила озадаченно почесал затылок.

– Простите, багин, но тогда – как же?

– Возьмём древесину в другом месте, – ответил я. – По соседству есть леса, которые мне не принадлежат. Обычные, не магические. Там и будем рубить.

Гаврила покивал, прикидывая что-то в уме.

– Ну, допустим. Тогда нужны люди. Одному мне не спгавиться. Четвего-пятего мужиков, кгепких. На заготовку и достав... доставку. Дня тги-четыге уйдёт только на то, чтобы нагубить, ошкугить и пгитащить. А там уже стгоить начнём.

– Людей я найду, – пообещал я. – Приведу из деревни.

– С вашего позволения, багин, я бы и сам мужиков кликнул, – предложил Гаврила. – Знаю, кого звать. Есть в Васильевке толковые мужики. Не бездельники.

– Хорошо, – согласился я. – Плачу по рублю каждому за всю работу. Тебе – полтора. Как старшему.

У Гаврилы заблестели глаза. Рубль для деревенского мужика – деньги немалые. За такую сумму можно и крышу починить, и корову подковать, и жене на новое платье останется.

– Договогились, багин! – он энергично кивнул. – Я мужиков сейчас же кликну. Засветло ещё успеем до соседнего леса добгаться – начнём губить. К вечегу, глядишь, пегвую пагтию бгёвен пгитащим.

– Действуй, – одобрил я. – Как закончите на сегодня, приходите ко мне в поместье. Рассчитаемся, обсудим дальнейшее.

Гаврила кивнул и рысцой побежал в деревню – собирать артель. Мы со Славой двинулись обратно.

Остаток дня прошёл в относительном покое.

Мастер починил телефон. Елизавета, помимо изучения клеща в лаборатории, успела принять двоих крестьян из Васильевки – те, прослышав, что у барина Дубровского есть целительница, заявили просить о помощи.

У одного скакало давление, другой маялся затяжной простудой. Ничего сложного. Елизавета управилась за час.

Виктор и его охотники приводили в порядок снаряжение. Архип носился по двору, выполняя мелкие поручения. Степан готовил ужин.

Нормальная жизнь. Или то, что сходило за нормальную жизнь в моём безумном хозяйстве.

К вечеру я ожидал Гаврилу с мужиками – после вырубki они должны были зайти ко мне, доложить о результатах первого дня.

Но когда у ворот раздался стук, я понял, что что-то пошло не так.

Во-первых, стучал кто-то один. Во-вторых, стучал он не рукой, а, судя по звуку, головой. Или плечом. Слабо, неровно, как будто из последних сил.

Я выскочил на крыльцо. Слава уже стоял у ворот, распахнув одну створку.

На пороге стоял Гаврила.

Рубаха разодрана в клочья. Лицо – сплошной кровоподтёк. Левый глаз заплыл, правый едва открывался. Губа рассечена, из неё текла кровь.

Рука прижата к рёбрам – похоже, ему досталось и по корпусу. Он шатался, как пьяный, но в нём не было ни капли хмеля. Только боль и отчаяние.

– Гаврила! – окликнул его Слава, подхватывая под руку.

Гаврила вцепился в здоровяка, как утопающий в бревно. Поднял на меня разбитое лицо и просипел:

– Багин... Беда...

– Внутрь его! – скомандовал я.

Мы затащили Гаврилу в дом, усадили на лавку. Елизавета, услышав шум, выбежала из лаборатории, ахнула и тут же метнулась за тряпками и водой.

Я сел напротив Гаврилы. Ждал, пока тот отдышится. Елизавета обтёрла ему лицо, оставила кровь из губы. Плотник благодарно кивнул и наконец заговорил.

– Я, как и обещал, мужиков собгал. Пятегых, включая себя. Пошли сразу с топогами и пилами. Засветло до соседнего леса добгались, начали губить. Пегвые два ствола уже повалили...

Он сглотнул. Скривился от боли и продолжил:

– А тут – нагянули. Семего их было. С дубинами пришли и гужьями. Окгужили нас, а мы что против гужья сделаем? Ничего, сдаваться пришлось. Меня пинками отделали и пгочь выбгосили. А мужиков... Повязали. Увезли куда-то.

– Кто? – спросил я.

– Люди Тумалина, – ответил Гаврила. – Я их пгизнал. Видел этих мегзавцев, и не газ.

Внутри меня что-то сжалось. Холодно. Жёстко.

– Тумалин? – переспросил я.

Гаврила кивнул.

Имя было знакомо. Барон Тумалин – мелкий вассал графа Бойкова. Землишки у него – кот наплакал, зато слава о его жестокости разнеслась по всей округе.

Говорили, что в его деревнях живут только те, кому совсем уж некуда податься. Отчаявшиеся, нищие, бесправные. Тумалин обращался с ними, как со скотиной, и никто не мог ему помешать – Бойков закрывал на выходки своего вассала глаза. Но почему – мне было неизвестно.

Этих слухов я в городе наслушался. И сейчас понимал, что в большинстве своём они не ввали.

– Они что-нибудь сказали? – уточнил я. – Объяснили, зачем забрали мужиков?

– Сказали, – кивнул Гаврила и скривился, сплёвывая кровь. – Сказали, что мужики с Васильевки не имеют пгава габотать тут. Что тот лес – владения Тумалина. И что он не потегпит, чтобы на его земле кто-то губил дегевья без его ведома.

– Его земля? – переспросил я. – А ничего, что тот лес – казённый? Общего пользования. Владения самого Тумалина начинались чуть дальше.

– А им плевать, багин, – Гаврила посмотрел на меня здоровым глазом. – Тумалин давно на те угоды лапу наложил. Кто сунется – того бьют.

– Значит, будем возвращать своими силами, – я поднялся, посмотрел на охотников, Архипа, Степана и Елизавету, которые уже находились тут – всем ведь было любопытно. – Кто со мной?

На удивление руки подняли все, даже Гаврила. Но его руку я самолично опустил – хватит с него.

– Барин, мы-то готовы. Но есть по поводу Тумалина нюанс один... – подал голос Виктор. – Боюсь, что просто так мы мужиков не вытащим.

Глава 5

Я и не сомневался, что даже вызволение моих работников обязательно осложнится дополнительными нюансами. Но, к счастью, Виктору что-то известно. Надо бы расспросить Сокольников перед отправлением. Я должен понимать, с чем нам предстоит столкнуться.

От его ответа зависит, сколько людей я с собой возьму и кого решу оставить в своём особняке. Всё-таки некоторыми из них рисковать нельзя. Тот же Степан – уж точно не воин. Если в именин Тумалина опасно, его брать с собой я не стану.

– Ты, судя по всему, знаком с господином Тумалиным, – обратился к Виктору я. – Расскажешь, что тебе известно? Почему, по твоим словам, спасти мужиков будет не так уж и просто?

– Я как-то подрабатывал ловчим в его землях, – ответил Сокольников. – Когда ещё только начал свой путь. Пришлось трудиться под его началом. Больше меня никуда не брали. Это было года три назад. Но уже тогда я понял, что Тумалин безумен. Он увлекается охотой. Очень нездорово увлекается, если вы меня понимаете.

Все присутствующие, недоумевая, взглянули на Сокольников. Похоже, никто не смог понять, что он имеет в виду. И я в том числе.

Однако Виктору явно было тяжело об этом рассказывать. Наверное, опыт работы у Тумалина ему здорово не понравился.

– Подробнее, Виктор, – попросил я. – Слухи о нём ходят недобрые – это факт. Но мне нужно понимать, с кем придётся разбираться.

– Такого безумца, как барон Тумалин, я в жизни не встречал, Всеволод, – покачал головой Виктор. – Все думают, что он просто жестокий землевладелец. Многие называют его тираном. Но это слишком мягко сказано. Он – садист. Люди, которые попадают к нему на службу, потом уже не могут уйти. Подписывают контракт, от которого практически невозможно избавиться. А те, кто провинился, становятся его жертвами. Я ведь уже сказал, что Тумалин – охотник, да? Так вот – больше всего он любит охотиться на людей.

– Как это? – озадаченно уточнил Архип. – Я, конечно, слышал про охотников за головами. Но обычно ими выступают вовсе не дворяне.

– Ты не понял меня, – помотал головой Сокольников. – Он охотится в буквальном смысле. Выпускает провинившегося в лес. А затем ищет. Отлавливает как дичь. Если мы хотим спасти мужиков из Васильевки, нужно поспешить. Иначе через пару дней он всех перебьёт. Но имей в виду, Всеволод, – Виктор перевёл взгляд на меня. – Связываться с этим ублюдком опасно. Переговоры с ним абсолютно бесполезны. Есть риск, что живыми мы оттуда не уйдём.

Да уж, непростое же решение мне предстоит принять. Но к этому я уже привык. Трудные решения, из-за которых могу пострадать и я, и мои люди, принимать мне приходится очень давно. Ещё с тех времён, когда я впервые создал свою компанию. Новая жизнь лишь добавила остроты – вот и всё.

Теперь на кону стоят не только деньги и репутация, но ещё и жизнь.

– Значит, поступим следующим образом, – заключил я. – К Тумалину отправимся только мы с охотниками. Не хочу лишний раз рисковать жизнью своих соратников.

– Подождите, барин! – замотал головой Архип. – Пожалуйста, возьмите меня с собой. Уверю, вы не пожалеете! Я вам точно пригожусь.

– Согласна с Архипом, – кивнула Елизавета. – Если вдруг что-то пойдёт не так, вам понадобится целитель. Кроме того, я могу за себя постоять. Могу причинять вред людям, если придётся. Хоть и не стремлюсь к этому, но всё же такая возможность у меня есть. Так что прошу, Всеволод, возьми меня с собой.

Да что с ними творится? Я ведь об их здоровье беспокоюсь! Почему они собираются идти за мной к Тумалину? Ладно, с Елизаветой всё ясно. Она – женщина боевая. Выносливость у неё огромная и драться она умеет. Просто старается не применять этот навык.

Но с Архипом-то что случилось? Он ведь самый обыкновенный трусливый мошенник. Раньше он всегда старался держаться в стороне от любых передраг. А тут вдруг решил последовать за мной в самое пекло.

Что-то тут не так.

– Елизавету, может быть, возьму, – ответил я. – А вот с тобой, Архип, мне не всё ясно. С чего это ты захотел поучаствовать в столь сложном деле? – я перевёл взгляд на Степана. – Хотя бы ты не будешь настаивать? Я бы хотел, чтобы ты остался дома.

– Нет-нет, Всеволод Сергеевич, ни в коем случае, – твёрдо сказал Степан. – Я буду здесь. Ждать вас. Приготовлю ужин. Ну... А если вы задержитесь, то и завтрак сварганю.

А мы, вероятнее всего, задержимся.

– Барин, я бы тоже с радостью дома остался, – заключил Архип. – Но так уж всё сложилось... В общем, имею я знакомство с господином Тумалиным. Я ведь, как и Виктор, долгое время работал под его началом.

– Да ладно? – вскинул брови я. – А чего же молчал? Знал ведь, какие слухи ходят об этом человеке. Почему сразу мне всё не рассказал?

– Боялся, – вздохнул он. – Тумалин заставлял меня делать много разных вещей. Вообще-то именно от него я и обучился мошенничеству.

– Как ты от него ушёл? – строго спросил Виктор. – От Тумалина так просто люди не уходят.

– Тот же вопрос касается и тебя, Виктор, – подметил я. – Ты ведь тоже каким-то образом от него ушёл. Лучше вам обоим это объяснить.

– Ничего секретного, – ответил Сокольников. – Я отработал. Сделал всё, что от меня хотел Тумалин. Строго по договору. Этот договор, кстати, Андрей Дмитриевич ещё долго перепроверял. Думал, что сможет задержать меня. Но мне повезло – ушёл всего через год после начала работы. Видимо, в день моего ухода он был в хорошем настроении.

Хочется спросить, что он для Тумалина делал, но при других людях я это узнавать не стану. Вполне может оказаться, что работа была нечестная или даже противозаконная. Если Виктор захочет – сам мне расскажет.

То же касается и Архипа. Хотя один вопрос я всё же ему задам.

– А как Андрей Тумалин отнесётся к твоему появлению? – поинтересовался я. – Если вдруг нас заметят, отношение барона ко мне может измениться. Он обратит внимание, что в моей команде есть люди, с которыми он ещё не свёл счёты. Ты ему, случаем, ничего не должен?

– Это он мне должен, Всеволод Сергеевич! – неожиданно яростно воскликнул Архип. Аж из-за стола выскочил. А на него это не похоже. Такая импульсивность в разговоре со мной ему не свойственна. – Он обманул меня. По нашему с ним договору я должен был... собирать деньги с поселений, которыми он правит.

– Дай отгадаю, – перебил его я. – Ты сам их обманывал, а теперь удивляешься, что в итоге обманули тебя?

– Да. Так и есть, – вздохнул Архип. – Тумалин ничего мне не заплатил. Но я собираюсь идти с вами не потому, что хочу с помощью вас отомстить, барин. Благодаря вам я узнал, что можно жить честно. Более того... Я денег за этот месяц получил больше, чем в те времена, когда зарабатывал обманом. Я хочу помочь вам. Особенно если дело касается барона Тумалина.

Он не врёт. По глазам вижу – Архип впервые за долгое время говорит со мной честно. Он привык лгать, отлынивать от работы, придумывать отговорки. Но на этот раз он точно со мной честен.

Моя магия не умеет отличать ложь от правды, зато это умею делать я. Научился за время управления своей организацией.

– Значит, решено, – заключил я. – В нашу команду войдут шесть человек. Охотники на монстров: Виктор, Слава и Фёдор. Кроме них – Елизавета, Архип и я сам. Надеюсь, всех это устраивает?

– Устгаивает, – заявил Гаврила.

Меня чуть смех не разодрал. Будто бы его голос должен был стать решающим.

Хотя стоит отдать Гавриле должное. Именно благодаря нему мы поняли, с кем имеем дело.

– Иди домой, Гаврила, – попросил я. – Елизавета ещё раз проверит твои ушибы – и ты свободен. Мы разберёмся с проблемой без тебя.

– Спасибо, багин, – кивнул он. – Я буду молиться, чтобы вы вегнулись живыми. В целости и сохганости.

Пока Елизавета осматривала Гаврилу, я направился к лесу. Понимаю, что времени у нас мало, но нужно подготовиться к отбытию. Нас не будет довольно долго. Вполне может оказаться, что на посещение барона Тумалина придётся потратить больше суток.

А я не могу оставлять свой лес без должного надзора.

Около леса со мной встретились два подчинённых мне духа. Мох и Полоз. Я впервые увидел их вместе. Всё-таки до чего же странно наблюдать за тем, как гигантский лось и не менее огромный по обычным меркам змей переговариваются друг с другом.

Сегодня мне впервые удалось мысленно призвать их к себе. По идее Полоз не мог здесь оказаться. Каждый дух живёт на своей территории. И это вроде как один из основных законов. Должно быть, Мох позволил ему пройти через свои земли, чтобы тот смог выполнить мой приказ.

– Я всё ещё удивлён, что тебе удалось обуздать его, Дубровский, – Мох указал кивком массивной головы на Полоза. – Он не подчинялся большинству твоих предков. Да и у остальных духов с ним отношения напряжённые. В том числе и у меня.

– Как всегда, преувеличивает, – хмыкнул змей. – Не слушай его, друид. Мох просто держит на меня обиду за то, что я не давал ему носиться по моим землям. Один раз всего позволил – и он перетоптал половину леса.

– Вы ещё подеритесь! – прервал перепалку духов я. – Хватит. Сейчас мы одна команда. И мне от вас кое-что нужно. Я рассчитываю, что вы отнесётесь к этой задаче со всей серьёзностью.

– Мы слушаем, Дубровский, – кивнул Мох.

– Во-первых, через час я покину наш лес. С моими людьми возникли серьёзные проблемы. Их надо спасать. Так что в моё отсутствие лес будет целиком и полностью под вашей защитой, – объяснил я. – Это понятно?

– Разумеется, – ответил Мох. – Как и всегда. Если кто-то решит наведаться сюда, пока тебя не будет, Дубровский, я придумаю, как наказать этого человека.

– То же касается и меня, – ответил Полоз. – Если хоть один нарушитель забредёт в мои заросли – придушу.

– Нет, душить как раз не надо, – предупредил его я. – Только напугать. Покалечить можно, убивать нельзя. Как раз это и есть вторая проблема, с которой мы до сих пор до конца не разобрались. Лес Мха сильно пострадал из-за пожара. Я только-только разобрался с мутировавшими деревьями. Теперь нужно что-то сделать с землей, пострадавшей от огня.

– Я уже понял, к чему ты клонишь, Дубровский. На моей земле находится сильный целебный источник, – догадался Полоз. – Хочешь, чтобы я поделился водой с Мхом?

– На земле Мох тоже такой имеется, правда совсем небольшой, – ответил я.

– Так это ответвление от моего! – возмутился змей.

– Находится на моей земле, значит мой, – фыркнул Мох.

– Отставить ругань! – повысил голос я, иначе мы никогда не договоримся. – Я уже обсудил с плотниками, как будет проводиться вода на сожжённую территорию, но пока что процесс застыл из-за того, что работники в беду попали, – объяснил я. – Поэтому я и обращаюсь к вам. У вас достаточно сил, а в лесу кроме вас живёт ещё очень много младших духов и прочих существ, которые могут помочь с этим делом.

– Ха! – усмехнулся Мох. – Дубровский, неужто ты думаешь, что какие-нибудь лесавки могут исправить то, что натворили те люди?

– Нет, не могут, – помотал головой я. – Зато они в силах ускорить работу и поддержать лес, пока я занимаюсь спасением работников. Один лесавка может поднять серьёзный вес. Они ж как муравьи! Маленькие, но выносливые.

– Только не трудолюбивые, – подметил Мох. – Заставить их работать – та ещё задача.

– Да пусть хоть по каплям воду носят. Твоему лесу сейчас может пригодиться любая помощь – и ты это знаешь, – подметил я. – В итоге, что от вас требуется, господа духи... Полоз – берёшь своих духов и идёшь к источнику, который находится на территории Моха и помогаешь. А ты, Мох, убеди своих подчинённых поучаствовать в общем деле. Чтобы к моему возвращению хотя бы часть повреждённых деревьев уже начала питаться целебной водой. Это понятно?

Я вздрогнул. Последние слова пробудили во мне волну энергии, которая тут же вырвалась наружу.

В ту же секунду Мох и Полоз резко выпрямились. Не думал, что когда-нибудь увижу змею, которая встаёт по стойке “смирно” и держит равновесие на самом кончике хвоста.

– Мы всё сделаем, друид, – хором ответили они.

Словно загипнотизированные.

А затем тут же исчезли. Испарились. Отправились выполнять поставленные им задачи.

Вот это да! Такого эффекта я не ожидал. Должно быть, моя попытка посягнуть на третью ступень пробуждения друида не прошла бесследно. Полноценно пользоваться заклетами третьей ступени я пока не могу, зато вторая ступень теперь даётся мне куда проще.

Я даже смог отдать полноценный приказ двум духам, которые ранее обладали несломимой волей. Отныне в случае необходимости я могу отдавать им любые команды. И они не смогут их оспаривать.

Это хорошо! Правда, заклятий на второй ступени целое множество. Мне их ещё изучать и изучать. Однако часть из них я освоил. А потому теперь могу лучше управлять лесом.

А кроме этого, знаю, как дать сдачи врагу, если всё же придётся вступить в очередное столкновение. И подозреваю, эти новые возможности здорово мне пригодятся в землях Тумалина. Ох, и попляшет он у меня!

Наконец мы приготовились к поездке. Пока я занимался духами, Виктор сбегал в Васильевку и договорился от моего лица с местным возницей. Изначально туда хотели отправить Архипа, но быстро передумали. И правильно сделали! Сомневаюсь, что жители уже простили ему тот обман с амулетами.

Без возницы обойтись было никак. У нас на счету каждая минута. Пешком до земель Андрея Тумалина не так уж и далеко. Часа за два-три легко можно дойти. Именно по этому маршруту туда и ходил Гаврила со своими работниками.

Но мы лучше поступим иначе. Высадимся на нейтральной территории. В лесу, который не принадлежит никому. Однако именно этот участок граничит с землями Тумалина, и как раз на него у барона большие планы.

– Я не совсем поняла, а почему нам обязательно идти к Тумалину втихую? – поинтересовалась Лиза, когда возница высадил нас у леса.

– А вы меня не слушали, Елизавета? – проверяя своё ружьё, спросил Виктор. – Он не пойдёт на переговоры. Единственный вариант – похитить людей барина.

– Понимаю твоё замешательство. Я тоже больше хотел бы решить всё мирно, – подметил я. – Но он изувечил моих людей. Разговорами тут не обойдёшься.

Да и в целом вести с ним переговоры бессмысленно. Если Тумалин хотя бы наполовину такой, как его описывают, он может поступить хитрее. Скажет, что его люди никого не трогали. Что мои работники солгали и на самом деле их похитил кто-то другой.

Никто не станет верить словам обычного деревенского плотника. И Тумалин это понимает.

Поэтому я и готов вступить с ним в стычку. Эх... Представляю, как “обрадуется” Бойков, если узнает, что я повздорил не только с Шатуновым. Получится, что я участвую сразу в двух конфликтах. Внутри графства и вне его.

Но с этим буду разбираться позже. Даже если он захочет лишить меня титула, у него это вряд ли получится. У меня накопилось очень много козырей.

Мы быстро пересекли казённую часть леса и оказались на земле Тумалина. План по дороге мы хорошо отработали. Виктор с Архипом знакомы с этими местами, поэтому знают, где могут находиться мои люди.

Скорее всего, Тумалин держит их в одном из своих сараев, которые изначально предназначались для скота. Оттуда мне и предстоит из вызволить.

– Тише-тише! Аккуратно, – прошептал Виктор, выскочил вперёд и преградил нам дорогу собой. – Смотрите под ноги. Господин Тумалин оставил нам подарки...

Я прошёл вперёд, взглянул в траву. И увидел капкан.

– А почему ты думаешь, что это для нас, Вить? – спросил Слава. – Капкан обычный, охотничий. На кабана рассчитан, скорее всего.

– В том-то и беда, друг мой, – Виктор сухо усмехнулся и присел на корточки рядом с ловушкой. – Животных тут уже давным-давно не осталось. Он их всех выловил. Теперь охотится только на людей.

– Считаешь, он его для нас заготовил? – поинтересовался я. – Догадался, что мы пойдём именно через этот участок леса?

– Скорее всего, так и есть, – ответил Сокольников и попытался обезвредить капкан. – Тумалин – не дурак. Обычно он всё просчитывает наперёд. Проклятье... Всеволод, вижу вдалеке ещё несколько капканов. Тут уж тебе решать. Возможно, ещё не поздно передумать. Если хочешь, можем оставить мужиков. Смириться с тем, что их уже не вернуть. Тумалин ждёт нас. Он решил устроить охоту.

– Мы их не бросим. Если кто-то боится – можете хоть сейчас возвращаться назад, – сказал я. – Знаете ведь, что я никого силком за собой не тащу.

– Вряд ли кто-то захочет вернуться, Всеволод, – помотал головой Виктор. – Я просто на всякий случай уточнил. Хотел, чтобы ты знал, с чем нам предстоит столкнуться.

– Насчёт опасностей не беспокойтесь, – уверил их я. – Защищу любой ценой. У меня есть несколько сюрпризов для Тумалина. Его ловушки не сработают.

– Нас защищать не нужно, – попросил Сокольников. – Мы со Славой и Фёдором, если вдруг что начнётся, сами справимся. Лучше сконцентрируйся на остальных. Зараза! Да что ж такое! Никак не могу обезвредить этот проклятый капкан. Не могу понять, что Тумалин с ним сделал. Он не складывается!

– Позволь мне, – сказал я, поднял руку и призвал свою магию.

Самое время проверить кое-что. Давно хотел узнать, как работает колдовство за пределами моего леса.

Я отдал приказ всем окружающим нас деревьям. Их стволы захрустели, кроны опустились. Я дал растениям часть своей маны, а взамен попросил, чтобы те пожертвовали ненужными им ветвями.

По всему лесу послышался ряд металлических щелчков.

Клац-клац-клац.

Только что с помощью одной лишь команды я сделал сразу несколько дел. Обезвредил большую часть ловушек на нашем пути, помог деревьям избавиться от высохших ветвей и доказал себе, что могу использовать силы природы даже за пределами своих земель.

Да! Я не мог знать наверняка, работает ли сила друида в других лесах. Как оказалось, даже здесь можно колдовать. И, что больше всего меня удивило, здесь это куда проще!

С деревьями не приходится сговариваться. Тут они не обладают столь жёстким характером, потому что находятся вдали от аномального источника.

Это что же получается? Выходит, что сила у меня во много раз больше, чем я думал. Просто именно на территории Дубровских жизнь менее охотно идёт на контакт. И в каком-то смысле это даже хорошо. Значит, ману здесь я буду тратить очень медленно.

Виктор медленно повернулся. Взглянул на меня так, будто я только что чудо какое-то совершил.

– Ты что... прочистил нам путь одним махом? – прошептал он.

Ответить на его вопрос я не успел. Меня посетил тревожный сигнал. Не знаю точно, откуда он возник. То ли дерево какое-то коснулось меня своей жизненной силой, то ли кто-то из животных.

Но у меня резко возникло очень нехорошее предчувствие. И я знал, что действовать нужно быстро.

Рванул вперёд, толкнул Виктора, повалил его на землю. В ту же секунду раздался грохот.

Выстрел. Он просвистел прямо над головой охотника. Виктор просил, чтобы в случае опасности я его не спасал. Но если бы я этого не сделал, мой соратник расстался бы с жизнью.

Все остальные тут же упали в траву. Виктор перекатился в сторону, с благодарностью кивнул мне и скрылся в кустах вместе с остальными охотниками.

Стреляли в нас из дальнобойной винтовки. Это точно было не ружьё. Учитывая, в какое время я живу, скорее всего, противник пользуется чем-то вроде винтовки Мосина.

Плохо дело. Одно попадание – и человек мёртв.

“Накажи его” – пронеслось у меня в голове.

Не в виде голоса. Скорее как немая просьба. Чьё-то желание

“Он убил всех животных. Окропил кровью свои же земли. Помогите нам”.

Это лес со мной говорит! Он меня и предупредил о выстреле. Нас заметили. И что теперь? Природа жаждет мести. Хочет, чтобы я наказал Тумалина.

Должен ли я исполнить эту просьбу? Нет. Этот лес мне не принадлежит.

Не должен. Но сделаю. Я ещё даже не встретился с этим бароном, но он мне уже здорово надоел!

– Мы отвлечём его, – прошептал мне Виктор. – Уйдём в другую часть леса. Пусть лучше стреляет по нам. А вы идите к особняку. Помогите мужикам!

Охотники не дождались моего ответа. Тут же исчезли. Как только они сдвинулись, послышался ещё один выстрел. Но Виктору и его людям удалось уйти на запад.

Остались только мы с Елизаветой и Архипом.

Похоже, план придётся менять на ходу.

– Что нам делать? Что делать? – паниковал Архип. – Барин, этот урод совсем обезумел! Он же нас тут прикончит... И никто даже об этом не узнает!

– Тихо, – велел я. – Действуем иначе. Он заманил нас в ловушку, но в итоге окажется в ней сам. Идите за мной.

Я поднялся. Попутно потянулся к природе, чтобы позаимствовать у неё силы. И сотворил заклятье второй ступени. Давно хотел узнать, как его использовать. Сейчас – самое время!

“Дубовая кожа”.

Мои предплечья затвердели, покрылись твёрдым материалом, чем-то напоминающим кору старого дерева. А затем эта кора разрослась вверх и вниз. Потом и в стороны. Превратилась в щит, который закрыл не только меня, но и моих соратников.

И мы продолжили двигаться дальше. Метр за метром мы продвигались через лес, полный ловушек. Чего только Тумалин тут не заготовил. Капканы, растяжки, подъёмные петли. Деревья обезвреживали всё, что изготовил барон-охотник.

Однако мне всё же пришлось принять на себя выстрел.

Видимо, Сокольникову не удалось надолго отвлечь барона. И тот смог разглядеть нас.

Бум!

Пуля попала прямо в мой щит. Но ничего не смогла со мной сделать. Кора затвердела. Стала прочнее металла. Я устоял и продолжил вести Елизавету с Архипом. Точно знал, что им ничто не угрожает. Если придётся – я снесу весь его особняк. Маны мне хватит. А деревья с радостью воспользуются моими приказами.

Снова выстрел. Примерно пять секунд на перезарядку. Неплохо. Хорошее же развлечение мы устроили для этого подонка. Ну, пусть веселится! Скоро я положу этому конец.

Вскоре нам удалось скрыться в чаще. Стрелок нас потерял. Не уверен, что стрелял по нам именно барон, но вероятность этого крайне высока. Вряд ли Тумалин позволил бы своим людям насладиться охотой за него.

– Узнаю это место. Чуть-чуть осталось! – сказал Архип. – Пара шагов – и мы выйдем к сараям. Спасём мужиков и сможем отступить. За таким щитом нам ничего не страшно, барин!

– Не спеши. Ты же понимаешь, что нас там будут ждать? – спросил я. – Скрытно пройти не получилось. Хотим мы того или нет, но с Тумалиным мы всё же пересечёмся.

Хотя я, если честно, очень хочу повидаться с этим психом. Хочется посмотреть в глаза тирану, который измучил собственные земли и создал себе столь отвратительную репутацию.

Каково же было моё удивление, когда, покинув лес, мы не обнаружили никакой охраны около сараев. Более того, я не заметил, чтобы в них находились люди Тумалина. В ближайшем к нам сарае было всего четыре человека. Я чувствовал их ауры.

Это и есть мужики из Васильевки.

Так куда же пропал сам барон и его люди?

– Браво! Браво! – я услышал звонкие аплодисменты. – Великолепное представление, господин Дубровский.

На балконе особняка появился косматый мужчина с длинными густыми усами. Белёсые глаза блестят. Улыбка, как у самого дьявола. А в руках та самая винтовка, из которой по нам всё это время стреляли.

Интересно, как он видел нас в дебрях? Должно быть, это как-то связано с его родовой магией.

– Приветствую, Андрей Дмитриевич, – крикнул я, не скрывая пренебрежения. – Рассчитывал познакомиться с вами на собрании у Бойкова. Но так уж вышло, что вы решили ускорить этот процесс. Я пришёл за своими людьми. И без них я никуда не уйду.

– Конечно-конечно, – закивал он. – Я и не против. Можете освободить их, господин Дубровский. Уходите.

– Не верьте ему, – прошептал Архип. – Он нас обманывает.

Само собой. О чести тут и речи быть не может. Тумалин что-то задумал. И я это выясню.

– Бросьте оружие, – крикнул барону я. – Или вы собираетесь стрелять нам в спину?

– А почему бы и нет? – рассмеялся Тумалин. – Вы меня удивили, господин Дубровский. Впервые за долгие годы я никого не смог поразить во время охоты. Поверьте, я не часто делаю комплименты.

– Вас не пугает, что я выживу и расскажу о произошедшем графу? Вы ведь тоже отвечаете перед ним, как и я.

– Ох, Всеволод Сергеевич, вы явно ничего не поняли... – покачал головой Тумалин. – Господин Бойков не станет меня наказывать. Он мне кое-что должен. Это дело замнут – уж поверьте. А теперь... идите в чёртов сарай. Освободите своих людей. Я ещё не настрелялся.

Пришлось снова призвать магию. Я уже приготовился было создать новый щит, но Архип схватил меня за рукав. И прошептал:

– Не спешите, барин. Я знаю, как можно его обмануть.

Глава 6

Я посмотрел на Архипа. Он побледнел, руки его подрагивали, но в глазах горел столь непривычный для него яростный огонёк.

И это меня удивило, пожалуй, сильнее, чем всё остальное, что произошло за последний час. Архип всегда юлил, выкручивался, избегал любой опасности. А сейчас стоит передо мной и предлагает план. Хотя прекрасно понимает, что на балконе стоит человек с винтовкой, который на самом деле не собирается отпускать нас живыми.

– Говори, – кивнул я.

– Тумалин одержим своей охотой, – зашептал Архип, не отрывая взгляда от балкона. – У него есть правило. Или ритуал, как хотите называйте. Он никогда не стреляет в неподвижную цель, всегда даёт отбежать подальше. Только потом начинает искать.

– Почему так? – тихо спросила Елизавета.

– Для него это... неспортивно. Ему нужно, чтобы добыча бежала. Чтобы боялась. Чтобы металась из стороны в сторону. Пока мы стоим на месте, он не выстрелит. Просто не сможет заставить себя нажать на спусковой крючок.

– Откуда такая уверенность? – спросил я. – Ты ведь сам говорил, что барон безумен. Безумцы редко следуют правилам.

– Этому правилу он точно следует, – Архип помотал головой. – Потому что для него охота – это смысл всей его жизни.

Я посмотрел на балкон. Тумалин стоял, небрежно облокотившись на перила, и поглаживал цевьё винтовки. Он не торопился. Ждал с выражением ленивого удовольствия на лице.

Архип прав. Барон ждёт, пока мы побежим к сараю. Вот тогда-то и начнётся его любимая забава.

Только пока Тумалин не понимает, что в этот раз на месте дичи оказался он сам. Уже представляю выражение его лица, когда он наконец поймёт, как недооценивал соперника.

– Хорошо, – кивнул я. – Мы не побежим. Что ты предлагаешь дальше?

У меня уже был сформирован план, но хотелось выслушать и Архипа до конца. Возможно, мы пришли к одному и тому же выводу.

– Я выйду к нему, – ответил Архип. – Отвлеку его разговором, а вы в это время мужиков освободите. А уж потом все вместе мы с этим гадом справимся! Охотники-то тоже к этому времени должны подойти.

М-да, план не идеальный. Но доработать можно.

Однако на охотников сейчас рассчитывать не приходится, они отправились в другую сторону, и можно только гадать, когда они вернутся.

– Одного я тебя туда не отправлю. Ты мне нужен живым, Архип. Поэтому пока ты будешь отвлекать внимание Тумалина, я подготовлю деревья вокруг балкона. Здешний лес меня слушается. Мне нужно время – думаю, пары минут хватит.

– Да я его и на побольше заговорю, – ухмыльнулся Архип. – Особенно если скажу ему то, чего он точно не ожидает услышать.

– Что именно?

Архип замялся. Стыдливо отвёл глаза, потом снова посмотрел на меня.

– У него в подвале особняка... – тихо начал Архип. – Там есть вещи, о которых Тумалин не хочет, чтобы знал хоть кто-нибудь. Я крикну ему про подвал. Поверьте, барин, он забудет обо всём остальном.

Не стал уточнять, что именно Архип имеет в виду, это может подождать. Сейчас не это главное. Главное – что у нас появился способ, способный вывести Тумалина из равновесия.

А вывести охотника в разгар его охоты – это уже половина победы.

– Елизавета, – повернулся я к ней. – Когда я подам сигнал, беги к сараю. Освобождай мужиков. Если кто-то серьёзно ранен – окажи первую помощь прямо на месте. Но не задерживайся. Как только все выйдут – уводи их в лес, к тому месту, где нас высадил возница.

– А ты? – нахмурилась Лиза. – Всеволод, если ты собираешься остаться один на один с этим безумцем, то это плохой план.

– Не один. Со мной весь лес, – улыбнулся я. – Ты же видела, как здешние деревья меня слушаются.

– Видела, – она кивнула, но тревога из её глаз никуда не ушла. – Только деревья – не целители, Всеволод. Если пуля пробьёт твой щит, никакая берёза тебе рану не залечит.

– Не пробьёт, – уверил я. – А вот мужикам в сарае целитель может понадобиться прямо сейчас. Тумалин избил их ещё до нашего прихода. Иди, Лиза. Будь готова. Я дам знать, когда начинать.

Она сжала губы. Хотела возразить, но не стала. Елизавета из тех людей, которые умеют подчинять эмоции разуму, когда это действительно необходимо.

Молча кивнула, отступила в заросли и заняла позицию ближе к сараю. Отсюда до него шагов пятьдесят, не больше. Если всё пройдет гладко, ей хватит нескольких секунд.

Если пройдет гладко... В последнее время у меня с этим не очень.

Я повернулся к Архипу и тихо указал:

– Действуй.

Архип глубоко вздохнул, расправил плечи, подошёл так, чтобы встать прямо под балконом Тумалина.

Идеальная мишень. И, должно быть, именно так он себя и чувствовал.

На балконе послышался короткий смешок.

– О-о-о! Какая встреча! – протянул Тумалин, и в его голосе зазвучало неподдельное веселье. – Архипка! Ты ли это, дорогой мой? Неужто осмелился вернуться на мои земли? А я-то думал, ты давно подох где-нибудь в канаве. Или тебя зарезали в какой-нибудь подворотне за очередной обман. Ты ведь, помнится, любил обманывать не тех людей, которых следует.

– Как видите, живой, Андрей Дмитриевич. И при деле, – ответил Архип. Голос его дрожал, но он держался на ногах, и это само по себе уже было подвигом для такого человека, как он.

– При деле? – Тумалин расхохотался так, что слышно было, наверное, и в моём лесу. – Ты? При деле? Не смеши меня, крыса. Ты никогда ни при каком деле толком не состоял. Только воровал да врал. Впрочем, врал ты мастерски, этого не отнять. Кстати, напомни – сколько ты мне задолжал? Я что-то подзабыл цифру. Кажется, ты сбежал от меня, не отработав последний месяц. Или два? Уже и не упомню.

– Это вы мне задолжали, Андрей Дмитриевич! – голос Архипа неожиданно окреп. Я впервые слышал в нём такую дерзость. – Три месяца работы! Три! И ни копейки мне не заплатили. А потом ещё и натравили на меня своих людей, когда я посмел потребовать расчёт!

– Людей? – Тумалин задумчиво поднял бровь. – Ах да, припоминаю. Ты так забавно визжал, когда они гнали тебя через поле. Бежал, петлял, падал, снова вскакивал... Честно скажу, Архипка, – это было одно из моих лучших развлечений в том году. Всё порывался повторить, да ты куда-то запропастился.

Пока они разговаривали, я работал. Медленно, осторожно, стараясь не привлекать внимания. Тянулся сознанием к деревьям, что росли вокруг особняка.

Три старых ясеня у западной стены – мощные, с толстыми узловатыми ветвями, уходящими далеко в стороны. Раскидистая берёза прямо позади балкона – её крона почти касалась перил. Пара клёнов у крыльца, чьи корни пробивались сквозь каменную кладку фундамента.

Все они были готовы мне помочь. Более того – они хотели помочь. Я чувствовал это. Тот же немой гнев, который лес направил мне ещё в чаще. Эти деревья жили рядом с Тумалиным

годами. Они видели всё, что он творил. Слышали крики. Чувствовали кровь, впитавшуюся в их корни, хоть в этих местах она и не могла обратить их в монстров. Но деревья ненавидели его всем своим нечеловеческим, растительным естеством.

Я вливал в них ману понемногу, чтобы Тумалин не заподозрил подвоха. Если у него и вправду есть какая-то родовая магия, связанная с чутьём охотника, он может уловить всплеск энергии. Поэтому я действовал аккуратно.

– Я не за долгами пришёл, барон, – продолжал тем временем Архип. – Мне ваши деньги больше не нужны. Я теперь честно зарабатываю. У хорошего человека служу.

– Честно? – Тумалин искренне удивился и даже подался вперёд, опершись на перила. – Ты? Честно? Архипка, ты ведь понимаешь, как нелепо это звучит. Я тебя насквозь вижу. Ты был и останешься жалким мелким мошенником, который не способен заработать иначе как обманом. Неужели этот молокосос Дубровский и впрямь поверил, что ты способен на что-то путное? Впрочем, чего ожидать от щенка, который только-только получил свои земли и понятия не имеет, как устроен мир.

Ну-ну, говори, барон. Болтай. С каждым твоим словом мои деревья становятся чуточку ближе к твоему горлу.

Архип промолчал на оскорбление в мой адрес. Только сжал кулаки – я видел это из своего укрытия.

– А скажите мне, Андрей Дмитриевич... – голос Архипа вдруг стал спокойным. – Вы до сих пор храните самое ценное в подвале?

Тумалин перестал улыбаться. Медленно выпрямился. Лицо барона изменилось за долю секунды – словно кто-то содрал с него маску весёлого безумца и обнажил то, что скрывалось под ней.

– Что ты сказал? – голос Тумалина стал другим. Ледяным и тихим. Таким тихим, что мне пришлось напрячь слух, чтобы разобрать слова.

– Подвал, – повторил Архип. И хотя я видел, как у него трясутся колени, он не двинулся с места. Стоял как вкопанный. – Я ведь помню всё, Андрей Дмитриевич. Каждый звук, который оттуда доносился по ночам. И барон Дубровский уже знает. Я ему всё рассказал.

Чистейшая ложь. Я понятия не имел, что скрывается в подвале Тумалина. Но Архип произнёс это с такой убедительностью, что я и сам на мгновение почти поверил. Всё-таки годы мошенничества не прошли даром – врать этот человек умеет виртуозно, когда того требует ситуация.

И ложь сработала.

Тумалин рывком вскинул винтовку. Приклад упёрся в плечо. Дуло нацелилось прямо в грудь Архипу. Я увидел, как палец барона лёг на спусковой крючок. Он хотел выстрелить.

Но Архип стоял неподвижно и не дёргался. И Тумалин не выстрелил.

Я видел, как он борется сам с собой. Челюсть сжата до скрежета зубов. Палец дрожит на спусковом крючке. Всё его тело кричит – стреляй! – а что-то глубоко внутри, какой-то древний, ввевшийся в кость инстинкт охотника, не позволяет. Дичь должна бежать. Таково правило. Иначе это не охота. Иначе это просто убийство, а убийство – это скучно.

Мне хватило этого представления, чтобы закончить свою работу.

Напитав деревья маной, я отдал им команду.

Берёза за балконом ожила первой. Её ветви стремительно метнулись вперёд.

Одна ударила снизу по стволу винтовки с такой силой, что оружие вылетело из рук Тумалина, перевернулось в воздухе и с грохотом покатилося по каменному полу балкона.

Вторая ветвь обхватила перила и вырвала их из кладки. Тут же за ней появились третья, четвертая, пятая.

Ясени ударили с боков. Их толстые сучья пробили каменное ограждение, проломились на балкон и сомкнулись вокруг барона, как пальцы гигантской ладони. Клёны добавили снизу – их корни, вспоровшие фундамент, заблокировали дверь, ведущую с балкона внутрь дома.

Отступать Тумалину было некуда.

Барон закричал от ярости. Он рванулся, попытался дотянуться до винтовки, но ветви уже обвили его руки, прижали к телу, стиснули так, что он не мог шевельнуть и пальцем.

Архип рухнул на колени. Мгновенно, будто из него разом выдернули все кости. Силы покинули его – теперь, когда непосредственная опасность миновала и дуло винтовки больше не смотрело ему в грудь, весь его показной героизм растаял.

Но он сделал то, что обещал. Выстоял. Не побежал. И я это запомню.

– Елизавета! – крикнул я. – Сейчас!

Лиза сорвалась с места и метнулась к сараю. Через несколько секунд я услышал, как она возится с тяжёлым засовом.

Я вышел из укрытия на открытое пространство перед особняком. Поднял голову и посмотрел на балкон.

Тумалин висел в клетке из ветвей, как муха в паутине. Кора обвила его руки и ноги, прижала к стволу берёзы. Он бился, рычал, пытался вырваться, но деревья держали крепко. С каждым его рывком хватка становилась только сильнее, потому что деревья чувствовали мой гнев и усиливали давление в ответ на сопротивление.

– Охота окончена, Андрей Дмитриевич, – спокойно сказал я.

– Ты!.. – Тумалин выплюнул это слово как проклятие. Лицо его побагровело от натуги, вены вздулись на висках. – Ты понятия не имеешь, что ты натворил, мальчишка! Бойков тебя уничтожит! Он размажет тебя по стенке! Ты даже не представляешь, с кем связался, Дубровский! Ты труп! Слышишь? Труп!

– Возможно, – ответил я. – Но не сегодня. И уж точно умру я не от твоей руки.

– Отпусти меня! – он дёрнулся так, что ветви затрещали. Но тут же восстановились – я поддерживал их маной, и деревья с готовностью принимали мою силу. – Отпусти, и мы разойдёмся! Забирай своих вонючих крестьян! Они мне не нужны! Это всё была игра, Дубровский! Я бы их отпустил через пару дней! Не убил бы! Слышишь?

Магией он не атакует, значит боевых навыков у него нет. Можно сказать, что мне повезло в этот раз. Если бы он был боевым магом, то пришлось бы куда тяжелее.

– Ложь, – спокойно ответил я. – Ты не умеешь отпускать добычу. Это не в твоей природе. Ты бы загнал их в лес и перебил одного за другим. Как всех остальных.

– Каких ещё остальных?! – заорал Тумалин. – О чём ты вообще говоришь?!

– О том, что лес помнит всё, Андрей Дмитриевич. Каждую каплю крови. Каждый крик. Деревья, в которых ты сейчас висишь, ненавидят тебя куда сильнее, чем я. И они просили меня наказать тебя.

– А ты что, святой?! – истерично засмеялся Тумалин. – Ты ведь тоже убиваешь! Или думаешь, я не знаю, как ты расправился с людьми Шатунова? Мне всё рассказали, Дубровский! Я знаю, что ты сделал с их отрядом! Ты такой же, как я!

– Я их не убивал, у тебя неверные сведения – ответил я, понимая, что он лишь пытается вывести меня из себя.

Дальше разговаривать бессмысленно. Пора уже заканчивать.

Я сжал кулак. Деревья сжались вместе с ним.

Тумалин захрипел. Глаза его расширились – наконец-то в них появилось то, чего я ждал. Страх. Первобытный, звериный страх добычи, которая осознала, что охотником всё это время был кто-то другой. Что игра окончена.

– По... подожди... – прохрипел он. – Ты не... не посмеешь... Бойков... Бойков тебе этого не простит...

– А почему бы и нет? – тихо спросил я.

Его же слова. Те самые, которые он бросил мне несколько минут назад, когда я спросил, собирается ли он стрелять нам в спину.

Тумалин это понял.

Охотник стал дичью. А дичь не заслуживает пощады – он сам установил это правило.

Раньше я никогда не убивал, но сейчас делал это без сожаления. Потому что такая тварь не заслуживает ходить по земле. Если оставлю его в живых, то он обязательно снова устроит охоту на невинных людей.

И одна эта мысль заставляла меня действовать. Ещё одно усилие. Я вложил в него остатки гнева, который копился во мне с того момента, как я увидел избитого Гаврилу. Деревья приняли этот гнев с благодарностью. Они жаждали крови, а не опасались её, как те, что росли в моих владениях.

Раздался глухой хруст.

Тело барона обмякло в хватке ветвей. Белёные глаза остекленели. Голова упала на грудь.

Барон Андрей Дмитриевич Тумалин был мёртв.

Я разжал кулак и опустил руку. Тяжесть навалилась мгновенно – не физическая, а та, другая, которая приходит после принятого решения, отменить которое невозможно. Я осознанно убил человека. Глядя ему в глаза.

Он это заслужил. Садист, мучитель, убийца, который охотился на людей ради развлечения. Мир без него станет чуточку чище. Но легче от этого осознания не становится.

Новая жизнь преподносит мне всё более тяжёлые уроки. Но жалеть я не стану. Не о таком человеке.

Из-за угла особняка показались Виктор, Слава и Фёдор. Судя по всему, они обошли территорию со стороны хозяйственных построек и нейтрализовали людей Тумалина, пока мы разбирались с самим бароном.

Сокольников держал за шиворот какого-то здорового мужика со связанными за спиной руками. Слава вёл второго – тот шёл понуро, не поднимая головы. Фёдор замыкал, держа ружьё наготове.

– Всего двое, – доложил Виктор, бросив пленного на землю у крыльца. – Остальные, видимо, разбежались, как только услышали грохот деревьев. Барон был настолько самоуверен, что не держал при себе серьёзной охраны. Видимо, полагался на свои ловушки и винтовку больше, чем на людей. Идиот.

Виктор поднял голову. Увидел тело, висящее в переплетении ветвей на балконе.

– Ты его... – начал он.

– Да, – ответил я.

Сокольников кивнул. Ни удивления, ни осуждения. Просто принял как данность.

Слава тоже промолчал – лишь коротко глянул на балкон, задержал взгляд на секунду и отвёл глаза. Фёдор даже головы не повернул.

Елизавета тем временем вышла из сарая, поддерживая за плечо одного из мужиков. За ней, пошатываясь, появились ещё трое.

Все были избиты, и жестоко избиты. У одного рука висела плетью – похоже, перелом. У другого лицо распухло настолько, что глаза едва открывались. Третий хромал, подволакивая левую ногу. Четвёртый – тот, которого вела Елизавета – выглядел лучше остальных, но и на его лице хватало ссадин и синяков.

– Живы, – сказала Лиза, сдерживая злобу в голосе. – Серьёзных ран, которые угрожали бы жизни, нет, но некоторым из них нужно нормальное лечение и отдых. Я сделала что могла на месте – остановила кровь, зафиксировала перелом. Но этого мало.

– Спасибо, – кивнул я и повернулся к мужикам. – Вы в безопасности. Больше вам ничто не угрожает. Мы отведём вас домой.

Они с благодарностью посмотрели на меня. Однако пока уходить было рано – ещё один вопрос оставался нерешённым.

Архип упоминал подвал, чтобы отвлечь барона. Но судя по тому, как Тумалин отреагировал на эти слова – а он отреагировал так, что едва не нарушил собственный ритуал – в подвале действительно что-то скрывалось. Что-то настолько серьёзное, что одно лишь упоминание об этом лишило барона самообладания.

– Виктор, – позвал я. – Бери Фёдора. Уведите мужиков к опушке, к тому месту, где нас ждёт возница. Мы догоним.

– А ты куда собрался? – Сокольников прищурил единственный глаз. – Всеволод, дело сделано. Люди спасены. Тумалин мёртв. Давай уходить, пока тихо.

– Мы идём в подвал, – сказал я.

– В какой ещё подвал? – напрягся Виктор.

– Который находится под особняком. Там что-то есть. Или кто-то.

Виктор понял намёк и кивнул.

– Фёдор, уводи людей, – скомандовал он и повернулся ко мне: – Я с тобой.

– И я, – тут же сказала Елизавета, передав мужика с переломом Фёдору. – Если там люди, им наверняка понадобится помощь целителя. И вряд ли ты хочешь спорить со мной об этом прямо сейчас, Всеволод.

Не хочу. Если в подвале действительно держали пленников – а я почти уверен, что так оно и есть – состояние их может оказаться куда хуже, чем у мужиков из сарая.

– И я тоже пойду, – тихо добавил Архип. Он уже поднялся с колен, отряхнул штаны. – Я там бывал, барин. Знаю, где вход. Без меня вы будете плутать по этому дому до утра.

Слава ничего не сказал. Просто проверил своё ружьё, пересыпал в ствол свежую порцию травяного пороха, утрамбовал шомполом и встал рядом с Виктором. Говорить что-либо не потребовалось – и так всё понятно.

Фёдор увёл мужиков к опушке. А мы вошли в особняк.

Дом Тумалина изнутри оказался неожиданно пустым. Ни слуг, ни домочадцев. Ни единой живой души. Длинные коридоры с низкими потолками, тусклый свет из узких окон, запах пыли и чего-то кислого, неприятного.

На стенах висели охотничьи трофеи. Десятки голов: олени с ветвистыми рогами, кабаны с торчащими клыками, волки с оскаленными пастьми. Чучела птиц – ястребов, сов, даже одного орла.

Впрочем, одно дело – чучела. Совсем другое – то, что я заметил среди трофеев. На дальней стене, в самом тёмном углу коридора, висели не звериные головы, а человеческие маски. Грубо вылепленные из какого-то тёмного материала, они были закреплены на деревянных подставках. У каждой маски было своё выражение. Ужас. Отчаяние. Мольба. Не знаю, из чего они сделаны, и не хочу знать.

– Он жил здесь один? – спросил я, стараясь не смотреть на маски.

– Почти, – ответил Архип. – Слуги приходили из деревни по утрам и уходили до темноты. Никто не оставался здесь на ночь. По ночам из подвала... В общем, по ночам здесь лучше было не находиться.

Архип вёл нас через дом уверенно, не останавливаясь и не плутая. Мимо кухни с закопчённым потолком, мимо большого зала с камином, в котором ещё тлели угли, мимо библиотеки, забитой книгами и охотничьими картами с пометками.

Наконец он остановился у неприметной двери под лестницей – низкой, тёмной, почти незаметной на фоне деревянной обшивки стены.

– Здесь, – сказал он и сглотнул. – Но будьте готовы ко всему, барин.

Я потянул дверь на себя. Заперто. Толстый засов из кованого железа, два замка и ещё что-то, чему я не мог подобрать определение. Какая-то энергия, слабая, но ощутимая, пульсировала в самой древесине двери, не давая ей сдвинуться с места.

– Руническая печать, – подметила Елизавета. Подошла ближе, провела кончиками пальцев по шершавой поверхности. Прищурилась, наклонила голову. – Грубая работа. Но без ключа или нужной формулы не открыть. По крайней мере, обычным способом.

– Ключ был у него, – Архип мотнул головой в сторону балкона. – На шее носил. Никогда не снимал.

– Обойдёмся без ключа, – ответил я.

Положил ладонь на дверь. Она была сделана из старого дуба – и дуб этот откликнулся мне мгновенно, с такой готовностью, что я даже опешил. Ему не нужны были ни мана, ни приказ, ни уговоры. Он хотел открыться. Хотел выпустить тех, кто был заперт за ним. Все эти годы этот кусок дерева, превращённый в дверь, мучился точно так же, как и те, кого он невольно удерживал.

Я попросил его расступиться. И доски раздвинулись с тихим скрипом, словно дуб вздохнул с облегчением. Замки повисли в пустоте, лишившись опоры. Руническая печать треснула и рассыпалась искрами – она была привязана к структуре двери, а не к проёму. Нет двери – нет печати.

Из подвала повеяло сыростью.

Лестница уходила вниз. Узкая, крутая, каменные ступени стёрты до гладкости бесчисленными шагами.

– Я первый, – сказал я.

Мы начали спускаться. Темнота обступила нас со всех сторон, и я сотворил свет, но не огонь, нет. Велел корню, который пробился сквозь щель в стене, вспыхнуть мягким зеленоватым сиянием.

Биолюминесценция – одно из заклятий, которое я освоил совсем недавно и которое оказалось на удивление полезным. Свет слабый, но достаточный, чтобы видеть, куда ставишь ногу.

Подвал оказался куда обширнее, чем я предполагал. Длинный коридор с низким сводчатым потолком тянулся вглубь, и по обеим его сторонам располагались двери. Пять штук. Все – с тяжёлыми железными засовами, наглухо закрытые.

Сперва я услышал скрип. Потом шуршание и плач.

Елизавета за моей спиной резко втянула воздух. Слава тихо выругался сквозь зубы. Виктор промолчал, но я услышал, как скрипнули его зубы.

Я подошёл к первой двери и отодвинул засов. Это была крохотная клетушка без окон, не больше трёх шагов в длину и двух в ширину.

Там сидел человек. Мужчина – вернее, то, что от него осталось. Худой настолько, что рёбра и ключицы проступали сквозь серую, нездоровую кожу. Грязные волосы до плеч свисали космами.

– Мать честная... – выдохнул Виктор. И в его голосе, обычно ровном и сдержанном, прозвучало нечто такое, чего я раньше никогда от него не слышал. Отвращение.

Вторая дверь. Ещё один пленник. Женщина. Свернулась калачиком в углу камеры, обхватив колени руками и спрятав лицо. Именно она плакала. Когда свет упал на неё, она вскрикнула и попыталась вжаться в стену, закрыв голову ладонями. Ей казалось, что пришёл он. Что Тумалин вернулся.

Третья дверь. Там было двое. Мужчина и подросток лет четырнадцати-пятнадцати. Похожи друг на друга, наверняка отец и сын. Оба едва дышали, лежали на соломе бок о бок.

Четвёртая камера оказалась пустой.

Пятая дверь была последняя. За ней сидел мужчина, который отличался от остальных. Был крепче телом, хотя тоже измождён, – видно, что когда-то обладал серьёзной физической

силой. У него не было левой ноги ниже колена. Старая рана, давно зажившая, обрубок обмотан грязной тряпкой.

Он сидел у стены, подложив под спину охапку соломы, и смотрел на нас абсолютно спокойным взглядом. Так смотрит человек, который прошёл через такой ад, что ничто в мире больше не способно его удивить или испугать.

– Неужели подмога? – со скепсисом спросил он.

– Да, – коротко ответил я. – Мы вытащим вас и поможем добраться до ближайшего поселения.

– А я уж думал, что смерть с косой на днях встречу, – усмехнулся он. – А нет, поживу ещё!

Елизавета протиснулась мимо меня и бросилась к женщине во второй камере. Та снова вскрикнула.

– Тихо-тихо, – Лиза говорила мягко, как с ребёнком, которого разбудил кошмар. – Мы пришли помочь. Никто больше тебя не тронет. Слышишь меня? Никто.

Женщина затихла. Не потому, что поверила. Просто обессилела. Слёзы продолжали течь по её впалым щекам, но плакать вслух она перестала.

Я приказал всем корням в стенах подвала засветиться. Зеленоватое сияние залило коридор и камеры, вырвав из темноты лица пленников, и от увиденного мне на мгновение стало трудно дышать. Эти люди провели здесь не дни и не недели. Месяцы. Может быть, годы. Тумалин держал их, как коллекционер держит бабочек – наколотых на булавки, живых, но неспособных улететь.

– Сколько вы здесь находитесь? – спросил я мужчину из первой камеры, присев рядом с ним на корточки. Старался говорить ровно, спокойно. Так, чтобы он понял – ему больше нечего бояться.

Он с трудом выдавливал слова:

– Не знаю... Давно... Очень давно, барин... Я уже со счёту... сбился...

– Мы вытащим всех вас, – пообещал я.

Мы начали выводить пленников наверх. Тех, кто мог идти сам, поддерживали под руки. Тех, кто не мог – несли. У этих людей не было сил даже на разговоры, поэтому мы их не расспрашивали. Этим лучше заняться потом.

Мужчина из первой камеры оказался настолько слаб, что Виктору пришлось практически тащить его по ступеням. Женщину Елизавета вела бережно, обняв за плечи и не переставая тихо говорить что-то успокаивающее.

Слава нёс подростка на руках – тот обхватил его за шею и не отпускал, вцепившись, как утопающий в спасательный круг. Отец мальчишки ковылял следом, придерживаясь за стену.

Человек из пятой камеры – тот, одноногий – передвигался сам. Медленно, опираясь на стену и подпрыгивая на единственной ноге, но сам. Помощь он не принял. Молча отвёл руку Архипа, когда тот попытался его поддержать, и выбрался по лестнице без посторонней помощи.

Наверху, в коридоре особняка, пленники зажмурились от дневного света, пробивающегося сквозь окна. Некоторые из них, должно быть, не видели солнца очень, очень давно.

Мы вывели их во двор. И тут одноногий остановился. Поднял голову и посмотрел на балкон. На тело Тумалина, висящее в переплетении ветвей.

Потом повернулся ко мне. Лицо его не выражало ничего – ни радости, ни облегчения, ни ненависти.

– Зря вы это сделали, – хмыкнул он. – Тумалин хоть и был куском говна, но теперь на его место придёт кое-кто похуже.

Не говоря о том, что граф Бойков явно не обрадуется, когда узнает, что один его вассал прикончил другого.

Глава 7

Одноногий знает слишком много.

Я сразу понял, что этот человек сильно отличается от остальных пленников. Его дух до сих пор не сломлен, либо же ему хватает силы воли, чтобы этого не показывать. Происходящее здесь его вовсе не удивляет. А выбравшись на волю, он сразу же начинает объяснять мне, чем может быть чревато убийство Андрея Тумалина.

– Прежде чем мы продолжим разговор, я бы хотел задать вам другой вопрос. Кто вы такой? – спросил я.

Мужчина посмотрел мне в глаза. Прищурился. До этого момента на его лице я не заметил ни одной эмоции. Но после моего вопроса что-то изменилось. Не показав улыбки, он усмехнулся. Шумно выдохнул носом, будто мой вопрос чем-то его позабавил.

– Это долгая история, господин Дубровский, – коротко ответил он.

– Не помню, чтобы я представлялся, – подметил я.

– Это вовсе необязательно. Я и так знаю, кто вы такой.

– Зато я не знаю, кто вы, так что мой вопрос остаётся прежним, – продолжил настаивать я.

– Что ж... Выходит дело, что я у вас в долгу. Не заявись вы сюда, я бы до сих пор гнил в темнице Тумалина, – незнакомец упёрся плечом в стену особняка и с облегчением выдохнул. Позволил единственной ноге хотя бы немного расслабиться. – Я многое могу вам рассказать, господин Дубровский. И расскажу. Но не здесь.

– В таком случае приглашаю вас в свой особняк, – произнёс я. – Там моя целительница и раны ваши сможет обработать. Мой слуга вас накормит. А мы поговорим. Если вы, конечно, никуда не спешите.

– Спешу ли я? – он покачал головой. – Вот уж нет. Все, кого я знаю, скорее всего, считают меня мертвецом. Либо пропавшим без вести. Ничего страшного не случится, если я... – он выдержал паузу. – Обрадую их своим возвращением чуть позже.

Он явно выделил слово “обрадую”. Будто бы это сарказм. Интересно... Чувствую, этот человек таит в себе немало загадок. Он до сих пор даже имя своё не назвал.

Тумалин таил в своём подвале много тайн. И, готов поспорить, самая большая из них – этот человек.

Задерживаться в особняке покойного барона мы больше не могли, и так достаточно на шумели. И наверняка выжившие люди Тумалина доложат об этом Бойкову. Может быть, кто-то из них уже в пути.

Нельзя, чтобы нас заметили на месте преступления. Хотя я бы произошедшее преступлением не назвал, но мне это ещё только предстоит объяснить своему графу.

Тащить раненых через лес, очевидно, мы не могли. Многие этого попросту не переживут. Пока я изучал подвал Тумалина, Фёдор отвёл моих работников на опушку, а затем пригнал из конюшен барона три повозки.

Кража лошадей – наименьшая из наших проблем. По-другому мы людей всё равно отсюда увезти не сможем. Но мне чужого не надо. Оставим повозки у жителей ближайшего села, принадлежавшего Тумалину.

Итого нами спасено девять человек. И это всего лишь за один день. Не хочется даже представлять, сколько народу сгинуло в землях Тумалина ранее. Жертвы, скорее всего, исчисляются десятками людей.

Мы погрузились в повозки и отправились на север по узкой тропе – к Самойловке. Оттуда были родом лишь двое из освобождённых пленников. Мужчина с подростком. Развозить раненых по домам мы не станем. Остальным окажут помощь местные. Достаточно и того, что Елизавета хотя бы частично исцелила их раны.

Мы и так сильно повлияли на жизнь в этом баронстве. Больше лезть в его дела я не стану.

Проезжая мимо уже знакомого мне леса, в котором нас совсем недавно обстреливал Андрей Тумалин, я почувствовал невероятный прилив сил. Деревья склонялись к повозке, в которой я сидел. Слегка касались меня листьями, отдавали мне свою жизненную энергию.

Я прекрасно понимал, что происходит. Это был немая благодарность за то, что я избавил эти края от Тумалина. Положил конец правлению тирана, который замучил не только своих людей, но и собственные земли.

Сначала я решил, что лес просто восстановил затраченную мной ману. Но вскоре я почувствовал, что полученный мной дар куда ценнее.

Грудь распёрло, дыхание сбилось. Но я бы не сказал, что это ощущение было неприятным. Как раз наоборот. Обычно человек испытывает нечто подобное, когда узнаёт очень хорошие новости. Дыхание сбивается не от стресса, а от нахлынувших эмоций.

Силы, дарованной лесом, хватило, чтобы расширить объём моего магического центра. Простыми словами, ранее я ощущал, что могу вместить в него, скажем, пять литров магии, но теперь к ним добавился ещё один литр объёма.

Растём!

Вскоре мы добрались до Самойловки. И жители встретили нас с опаской. На улицах сразу же стало безлюдно. Все попрятались по домам.

Когда я спешил, чтобы помочь пленникам выбраться из повозки, передо мной предстала и вовсе плачевная картина.

Деревня будто вымерла, но эта пустота была фальшивой. За каждой закрытой ставней чувствовалось тяжёлое, спёртое дыхание. Воздух сделался вязким от чужого страха.

Стоило мне сделать шаг, как случайный взгляд, брошенный из щели забора, тут же испуганно нырял в темноту. Люди затаились, как звери в норах. Надеялись – если не будут шевелиться, беда пройдёт мимо.

Ну конечно... Они боятся нас, потому что мы прибыли по тропе, ведущей к особняку Тумалина. Спутали нас с его бойцами. Вот ведь ублюдок... До чего же он довёл этих людей? Всё-таки слухи не лгали. Этот человек превратил жизнь своих же крестьян в нескончаемый кошмар.

Охотники помогли двум пленникам встать на ноги. Мальчик, держась за отца, смотрел в сторону ближайшего дома. В ту же секунду из него выбежала женщина и замерла на крыльце.

Она держала в руках жестяной ковш, но стоило ей увидеть привезённых нами пленников, как её руки опустились. Ковш с грохотом покатился по ступеням, расплёскивая воду.

Я сразу догадался, что эта женщина приходится им родственницей.

– Матушка! – голос сына сорвался, больше походил на хрип.

Женщина качнулась вперёд. Всматриваясь то в тощий силуэт сына, то в заросшее, исхудалое лицо мужа. Она не могла поверить увиденному.

Наверняка уже давно похоронила их обоих. Ведь от Тумалина, как я уже понял, никто не возвращается.

– Не подходите... – прошептала она, в её глазах вновь вспыхнул страх. – Это не вы... Это морок какой-то... Мне мерещится!

– Мы это, Марья, мы, – мужчина освободился от крепких рук Славы. Сделал шаг вперёд. – Живые мы. Он... он вывел нас.

Бывший пленник указал взглядом на меня.

Женщина, надрывно вздохнув, бросилась к вернувшимся. Она вцепилась в плечи сына. Всё ещё не могла поверить, что он настоящий.

– Сынок... Ты же высох совсем! А руки... Руки-то ледяные!

Затем рванулась к мужу и прижала его к себе. Пожалуй, сейчас она была гораздо крепче и сильнее его раза в два.

Наблюдая за этим воссоединением я в очередной раз убедился, что поступил правильно. Что не оставил Тумалина в живых.

Женщина вдруг замолчала и обернулась ко мне. В её взгляде уже не было страха – только бесконечная благодарность.

– Как же... Чем же мне вам отплатить? – она осеклась, так и не нашла подходящих слов. И просто низко, в пояс, поклонилась, едва не коснувшись лбом сырой земли. – Вы же из самой смерти вырвали их, господин. Из самой смерти!

– Бросьте, не стоит. Я не могу поступить иначе, – помотал головой я. – Если действительно хотите чем-то меня отблагодарить, помогите и другим людям, – я указал взглядом на двух пленников. Исхудавшую женщину и мужика, от которого и вовсе остался один лишь скелет. – Дайте им кров, обработайте раны и помогите вернуться домой.

Должно быть, они из соседних “тумалинских” деревень. А там кто знает? Не удивлюсь, если он людей и из других мест похищал. Эти двое всю дорогу молчали, так и не рассказали мне, где их дом. Лишь помотали головой, когда я спросил, не из Самойловки ли они.

Наконец деревня начала оживать.

Соседи, которые ещё десять минут назад вжимались в брёвна своих изб, теперь медленно, один за другим выходили на пыльную дорогу.

– Неужто... Степан? – хрипло выдохнул один из стариков. – Живой? И малец с ним?

Из соседних домов выскочили несколько мужиков. Услышали мою просьбу и сразу же принялись помогать бывшим пленникам.

Остальные жители переглядывались. В их глазах читалось неверие в чудо. Страх сменился уважением. Я вновь испытал то же, что и в лесу Тумалина. Новый приток магической энергии. И это здорово меня удивило.

Ладно, с лесом всё понятно. Ранее деревья уже награждали меня за помощь. Но чтобы от людей ко мне приходила жизненная сила? Об этом даже Валерьян никогда не упоминал.

Неужели и такое возможно? Хотя... Чему я, собственно, удивляюсь? Люди, животные, растения – всё это жизнь. А жизнь – основа моей магии.

– Так это же барин с соседних земель? – послышались шепотки в толпе. – Как его там? Дубровский!

– Дубровский? Тот пьяница? Да нет, бреешь!

Ну надо же! “Добрая” слава моего предшественника, как оказалось, и сюда добралась. Но меня это уже давно не беспокоит. По крайней мере, в своих землях я смог доказать, что бывшего пьяницы Всеволода больше нет.

– Барин, – ко мне обратился один из местных мужиков. Я сразу признал в нём старосту деревни. – Мы от всей души вам благодарны, но... А что скажет барон Ту... Тумалин? – он даже боялся вслух его фамилию произнести. – Он ведь вернётся.

Что тут сказать? Лгать не стану. Пусть знают правду. Хотя бы частично.

– Барин ваш не вернётся. Его больше нет, – коротко ответил я. – Но это – теперь не ваша забота.

Реакция людей была неоднозначной. Они не знали: то ли радоваться, то ли волноваться. И понять их нетрудно. До этого была тирания, а теперь – неизвестность.

И ведь одноногий упомянул, что вместо Тумалина в этом баронстве теперь может появиться кто-то похуже. Но я пока не могу представить вариант хуже покойного Андрея Тумалина.

Староста деревни приказал своим людям отогнать повозки, которые вывезли из усадьбы. Взамен нам дали двух местных возниц. Они-то и повезли нас домой – в сторону Васильевки.

Мне пытались навязать продукты. Жители выносили молоко, колбасы, сало, но от этих даров я отказался. Этого добра и в моих деревнях хватает. Тем более не хочу, чтобы вся эта ситуация выглядела так, будто мне продуктами за убийство барона платят.

Эти люди и без того пострадались. Будем надеяться, что впредь им больше не придётся такого переживать.

Мы забросили пострадавших мужиков в Васильевку. Елизавета пообещала, что завтра заглянет на дом к тем, кто не сможет прийти на повторный осмотр самостоятельно.

В усадьбе наша команда оказалась как раз к наступлению темноты. Нас уже ждал извоновавшийся Степан. Я слишком вымотался, чтобы рассказывать ему обо всём произошедшем. Да и нет в этом необходимости – Архип всё сам растреплет. Уж он точно не упустит возможности рассказать о своём геройстве.

Но он заслужил немного славы. Мошенник здорово мне помог в этой вылазке.

Пока все отмывались в бане после тяжёлого дня, мы с Елизаветой осматривали одноногого. За всю дорогу он не произнёс ни слова. Да и на вопросы Лизы отвечал неохотно. Возможно, раньше он был куда более разговорчивым человеком. Но что-то в нём за время пленения надломилось.

На этот раз лекарскую помощь мы с Лизой оказывали вместе. Она и так потратила слишком много сил, так что моя поддержка явно не помешает. Тем более работа предстояла непростая.

Ногу мужчина потерял давно. Прошло уже не меньше двух-трёх месяцев с того момента. Рана зажила неправильно, и в ней поселилась уже хроническая инфекция.

Процесс лечения был болезненный даже не смотря на то, что мы дали нашему пациенту болеутоляющий отвар. Однако мужчина за время нашей работы не издал ни звука. Лишь скрипел пару раз, когда Лиза удаляла омертвевшие ткани.

После, когда целительница ушла спать, Степан накормил нашего гостя. Я же добрался до бани лишь к полуночи. Думал, что поговорить с одноногим мы уже не успеем. После такой операции любой бы уснул.

Но вернувшись в его комнату, я обнаружил мужчину сидящим в кресле.

Он ждал меня.

– Насколько я помню, Елизавета приказала вам соблюдать постельный режим, – подметил я.

– Благодарю за помощь и за гостеприимство, – отпив остывшего чая, ответил он. – Но с постельным режимом ничего не выйдет, поскольку завтра я вас покину. Как и договаривались, господин Дубровский. Я к вам только на одну ночь.

Крепитесь изо всех сил. А ведь ему даже говорить трудно. Видимо, гордость не позволила разговаривать со мной лёжа. Поэтому и перебрался в кресло, пока никто не видел.

Эх и сильная же у него воля. Должно быть, именно она и помогла ему дожить до этого дня. Перетерпеть все пытки, которые устраивал Тумалин.

Я присел в кресло напротив. До этого момента у меня даже не было возможности толком разглядеть своего собеседника. Уж больно мы торопились покинуть земли покойного барона.

Точно определить возраст мужчины было невозможно. Разумеется, долгие пытки и голод сильно состарили его. Но стариком я бы его не назвал.

Длинные спутанные волосы сохранили в себе угольную черноту. Грубые черты лица обтянула кожа, отчего взгляд его почти всё время казался суровым.

Если бы я ни разу с ним не заговорил, подумал бы, что передо мной обычный бродяга. Инвалид, лишившийся своего дома. Но манера общения, знания, взгляд...

Напрашивался очевидный вывод.

– Я уже понял, что вы не крестьянских кровей, – начал разговор я. – Не ожидал, что Тумалин даже дворян похищает.

– От него можно было ожидать чего угодно, – хмыкнул мужчина. – Но в одном вы правы, Всеволод Сергеевич. Всё так – я из благородных.

– Но имени вы своего мне не назовёте, – усмехнулся я. – Если бы могли, уже давно бы представились.

– Кирилл Евгеньевич, – поставив чашку на стол, произнёс он. – С фамилией обождите. Вы узнаете её, но не сегодня.

– Вы не доверяете мне даже после того, как я спас вашу жизнь?

– Я вообще никому не доверяю, господин Дубровский. И вам советую, – он хрустнул затёкшей шеей, стиснул зубы от приступа боли. – Но за помощь я вас отблагодарю – даже не сомневайтесь. Я пообещал, что мы поговорим о Тумалине – и я своё слово сдержу.

– Вы сказали, что вместо Тумалина на его земли придёт другой человек. Кто? – перешёл к делу я.

– Это лишь моё предположение, но... Зная графа Бойкова, можно сказать наверняка, что он поставит на это место одного человека, которому он задолжал, – произнёс Кирилл Евгеньевич. – И вам такое соседство вряд ли придётся по нраву. Но пока что вам стоит беспокоиться не об этом. Вы ещё не думали, как будете оправдывать своё решение убить Тумалина? Уверен, Бойков придёт в ярость.

– Через несколько дней состоится собрание. Там я и дам ответ.

И не только за Тумалина. Мне ведь ещё предстоит объясняться на тему моего конфликта с бароном Шатуновым. Ох и весёлый же предстоит совет...

– Я буду там, господин Дубровский, – неожиданно заявил Кирилл Евгеньевич. – Верну должок – поддержу вас. Расскажу, что на самом деле происходило в землях Тумалина.

– А разве Бойков сам этого не знает? – пожал плечами я. – Прямо у него под боком жил сумасшедший. Крал людей, устраивал на них охоту. Почему граф не лишил его титула? Почему не вмешался?

– Тумалин водил его за нос. Манипулировал информацией. Он убедил графа, что в лесу он не охотится на людей, а проводит жёсткие полевые испытания для борьбы с опасными лазутчиками. Бойков видел только отчёты о казнях бандитов. Правду он не знает. Для него Тумалин был верным служащим, который придумывает новые способы ведения войны.

– Звучит как полный бред, – нахмурился я.

– Но это правда.

– Почему тогда никто из крестьян не доложил, что творит их барон? Кто-то должен был попытаться... – я осёкся. Вспомнил, как выглядели жители Самойловки.

– Вижу, вы сами ответили на свой вопрос, господин Дубровский, – собеседник заметил, как я изменился в лице.

– Молчали, потому что боялись, – кивнул я.

– Верно. Запугивать эта сволочь умела... Я прекрасно знаю Тумалина. Мы с ним вместе воевали много лет назад. Уже тогда он относился к людям, как к дичи. Даже на войне, – объяснил Кирилл Евгеньевич. – Так что моё слово будет иметь вес на совете. Но не думайте, что одних только моих показаний хватит, чтобы вас оправдать. Будьте готовы отстаивать свою позицию сами, господин Дубровский.

– Всегда готов, – усмехнулся я. – Спасибо за информацию, Кирилл Евгеньевич. Я подумаю, как донести Бойкова правду.

На этом наша беседа подошла к концу. Мой гость отвечал чётко и по делу. Старался не рассказывать лишнего. И я не стал извлекать из него то, чего он сам не хотел говорить.

Раз уж не хочет упоминать фамилию до совета, значит, на то есть причина.

В одном я уверен – он сдержит своё слово. Окажет посильную поддержку. Я знаю таких людей, как он. В прошлом мне пришлось составить для себя собственную классификацию деловых партнёров. И был среди них тип людей, с которым я начинал сотрудничать сразу же, без лишних раздумий.

Одного взгляда на них достаточно, чтобы понять, что человек надёжный. Именно к такому типу я бы и отнёс Кирилла Евгеньевича, если бы встретился с ним в прошлой жизни.

На следующее утро я нанял повозку и отправил своего гостя в неизвестном направлении. Готов поспорить, что он по прибытии домой ещё доплатит вознице, чтобы тот никому не рассказывал, куда он его отвёз.

Паранойя, но оправданная. После плена и не так о своей безопасности беспокоиться начнёшь.

Что ж, а мне пора возвращаться к своим делам. Скоро уже совет, а после него – неизвестность. Я пока что понятия не имею, чем он закончится. Так что будет лучше, если с большей частью дел управлюсь до этого момента.

Гаврила благодаря стараниям Лизы уже восстановился. Работать готов и даже мужиков других собрал. Теперь-то им никто не помешает заготавливать древесину в общих лесах и приступать к орошению пострадавших при пожаре земель.

Однако работа для него здорово сократилась, поскольку Мох и Полоз, к моему удивлению, сильно перевыполнили план. Им удалось договориться с младшими духами, и те смогли залить почти треть участка.

Деревья в тех местах сразу оживились. От углей и пепла не осталось и следа, даже трава начала выступать из-под выжженной земли.

– Это кладенцы постарались, – объяснил мне Мох.

– Кладенцы? – удивился я. – Читал о них в своём справочнике. Вот только не думал, что от них будет какая-то польза. Они ведь только вещи у людей воруют, да прячут их под землёй.

– Мне стоило больших трудов договориться с ними, – фыркнул Мох. – Они из меня столько духовной энергии вытянули взамен...

– Да верну я тебе всё, не беспокойся, – уверил Мха я. – Лучше расскажи, как им это удалось?

– Так они прорыли туннели, по которым прошла целебная вода. Расширили источник. Но не сильно. Чтобы он не обмельчал, – разъяснил Мох.

Туннели... Проклятье! А ведь это идея!

Я как раз недавно думал о том, как провести воду в лечебницу. Всё-таки без неё оказывать помощь пациентам будет невозможно. Не нанимать же мне водоносов ради этого? Замучаются таскать воду каждый день.

Тем более вода нужна особая. А к источнику мужиков я не подпущу. Не стоит никому о нём знать. Да и опасно там. Не хватало ещё, чтобы из-за моих же указаний кого-то из работников волки задрали.

Можно поступить куда более изящно. Приказать лозам и корневой системе создать подземный поток, который будет поставлять воду прямо из источника в лечебницу. Причём таких потоков можно сделать два!

Студёная вода из ключа, что находится в Кривом овраге. И параллельно ещё один поток из горячих источников.

Не знаю, смогут ли корни сохранить тепло, но если получится, в здании появится и холодная, и горячая вода. Все удобства!

И ведь в планах у меня не обычная лечебница, а полноценный санаторий. Значит, нужно обеспечить её ваннами, в которых люди смогут оздоравливаться за счёт одного лишь контакта с целебной водой.

С канализацией даже думать не придётся. Достаточно сделать под землю и отдать приказ окружающим деревьям впитывать влагу. В таком случае нерешённым остаётся только один вопрос. Мне нужна сантехника. Раковины, ванны и всё остальное. Это придётся отдельно заказывать в Волгине.

Что ж, план на ближайшие дни готов. Пора приступать.

Первым делом я занялся проведением воды. Параллельно с этим Архип уже вовсю рыл яму под лечебницей, к которой в дальнейшем я должен был подключить будущую сантехнику.

Занятие было энергозатратным. Ведь параллельно с этим я ещё и окружающие лечебницу деревья наделял своей магией, чтобы к концу трудовых дней поставить точку в предстоящем деле.

Закончить починку здания!

Но от дефицита магии я не страдал. В ходе операции, которую мне пришлось провести на территории Тумалина, мой общий объём энергии здорово увеличился. День за днём я трудился в лесу, не прерываясь на обед. Спал, а затем продолжал свою работу.

Мне повезло, плотник Кузьмич прислал мебель для лечебницы даже раньше намеченного срока. Её мы заказали уже после мебели для кабинета, сразу когда от продажи трав появились некоторые средства. Недавно я передал ему остаток общей суммы через своего посыльного Горенкова.

И настало время для последних штрихов. За двое суток до совета баронов я пришёл в лечебницу, чтобы осуществить план, который столько готовил.

Все деревья и прочие растения готовы. Напитаны моей магией. Остаётся только отдать приказ.

Я вошёл в здание и замер посреди пыльного зала. Сделал глубокий вдох, и мягкий зелёный свет разлился от моих ладоней. Лес, окружавший лечебницу, ожил.

Сквозь трещины в каменном полу стремительно пробились гибкие корни, переплетаясь и стягивая расколотые плиты в прочный живой узор.

Вдоль стен потянулись лозы дикого плюща. Они впивались в осыпающуюся кладку. Заполнили пустоты и заменили выпавшие доски упругой древесиной.

Дыры в потолке затянулись переплетением молодых ветвей, которые мгновенно обросли густым мхом. Подобным же мхом покрылись и стены. Человек, не знающий, как проводилась реставрация здания, вполне может подумать, что это не растение, а обыкновенные обои.

Старая лечебница больше не умирала. Она становилась сердцем этого леса.

Но этого недостаточно. Внутри темно, а проводить электричество в лечебницу я не планирую. Можно осветить это место иным способом! Тем же самым, которым я освещал подвал в доме Тумалина.

Я поднял руку, и под сводами потолка распустились чашечки выюнка, источающие мягкое фосфоресцирующее сияние. Из трещин в стенах проросли гроздья светящихся грибов, заливших углы тёплым светом, напоминающим солнечный.

Этот свет не резал глаза, но создавал отличную видимость. Теперь здесь можно работать.

– Барин, чтоб меня... – послышалась ругань Архипа. Он стоял снаружи. Ждал, когда я закончу, чтобы начать расставлять мебель. – Как долго вы это планировали? Чтобы создать такое... Я думал, на это могут уйти годы!

– Годы? Нет. Всего лишь несколько недель, – улыбнулся я.

Никак не мог оторвать взгляда от своего творения. Здания и лес слились воедино. Меня переполняла гордость и глубокое удовлетворение. Это место для меня особенное. И дело не только в доходе, который оно мне будет приносить.

Всё-таки я рассчитываю, что в стенах этого здания нам удастся помочь людям, которые, как уже выяснилось, нуждаются в помощи друида точно так же, как и обитатели леса.

Кроме того, территория вокруг лечебницы источает огромную энергию, от которой я могу быстро восполнять свои запасы маны. Это моё личное место силы.

Итак... Первый этап моей цели достигнут. Впереди ещё много работы. Ещё с мебелью предстоит повозиться да кабинет Елизаветы сюда перенести, но это уже мелочи. Ещё немного – и мы можем принимать клиентов!

С мебелью мы провозились долго. Большую часть так и не перенесли. Всё-таки я здорово вымотался после восстановления здания. Остальную мебель перенесём позже. Расставим под командованием Лизы. Всё-таки здесь в основном будет работать она.

На следующий день я отправился в Волгин. Неподалёку от лавки Кузьмича нашёл неплохой сантехнический магазин. У меня появились лишние сорок рублей, поскольку перед этим я продал собранные мной травы. Те, которые в лесу были в избытке.

Заказал несколько раковин, ванные разных размеров, и оплатил доставку. Собрался было уже домой, чтобы успеть завершить оставшиеся дела перед предстоящим советом, но наткнулся на Горенкова.

– Всеволод, да где ж тебя черти носят! – воскликнул Мишка. – Я тебя по всему городу ищу!

– Не припомню, чтобы мы договаривались встретиться, – отметил я. – И откуда ты вообще узнал, что я сегодня в Волгине?

– У меня везде глаза и уши! – хитро ухмыльнулся он. – Впрочем, это сейчас не важно... Я нашёл ИХ.

– Кого “их”? – не понял я. – О чём ты говоришь?

– Первых клиентов, Всеволод. Для твоего санатория! – заявил он. – Они уже готовы раскошелиться.

Первые клиенты? Проклятье... Да кто ж его просил так с этим торопиться? У нас ведь ещё ничего не готово!

Глава 8

– Горенков, ты в своём уме? – я схватил его за рукав и отвёл в сторону от прохожих. – Какие клиенты? Санаторий ещё не открыт. Мебель не расставлена. Ванны я только что заказал – их даже не доставили. Ты хочешь, чтобы я людей на пол укладывал?

– Ой, да брось ты, Всеволод! – отмахнулся Мишка, ничуть не смутившись. – Такие клиенты на дороге не валяются. Ещё день – и они уедут к какому-то знахарю в Тверскую губернию. А знахарь тот, между прочим, берёт вдвое больше и лечит гораздо хуже. Точнее, вообще не лечит, но это уже другой разговор.

– Расскажи толком, о ком речь, – потребовал я.

Злиться на Горенкова бессмысленно. Он действует так, как действовал бы любой хороший посредник – хватается за возможность, пока она не ускользнула. В прошлой жизни я сам нанимал таких людей. И ценил их именно за эту безумную инициативность.

– Отставной офицер, Дмитрий Петрович Ларин, – начал Горенков, загибая пальцы. – Служил в пехоте, ранение ноги, осколочное. Плохо зажила, хромота, мучается болями. Списали подчистую. Пенсия копеечная. С ним жена – Настасья. Беременная. И беременность тяжёлая. Отёки, тошнота постоянная, местные лекари только руками разводят. Они уже потратились на врачей, причём изрядно. Но толку – ноль.

– Небогатые, значит, – заключил я.

– Небогатые, – подтвердил Мишка. – Но заплатить могут. Им важен результат, Всеволод. Они уже отчаялись. Если ты им поможешь, они весь город на уши поставят. Лучшей рекламы для санатория и придумать нельзя.

Чёрт возьми, он прав. Первый клиент – это не просто деньги. Это репутация. Отзывы. Сарафанное радио.

В прошлой жизни я точно так же строил свой бизнес – начинал с малого, с первого довольного заказчика, который приводил за собой десяток новых.

Но принимать людей в недоделанном санатории – значит рисковать. Если что-то пойдёт не так, слух разнесётся с той же скоростью, только со знаком минус.

Впрочем... Есть один вариант.

– Скажи им вот что, – я посмотрел на Горенкова. – У них есть уникальная возможность: попасть в санаторий до официального открытия. Со скидкой. Процедуры будут проходить в лечебнице. Проживание – в моём особняке. Питание за мой счёт.

– В твоём особняке? – Мишка присвистнул. – Ну ты даёшь...

– Ничего страшного. Степан сможет организовать хороший сервис, – он справится. И не из таких передраг выходил. – Главное – донеси до них, что это не благотворительность, а именно деловое предложение. Со скидкой за неудобства.

– Всеволод, вот за это я тебя и ценю! Ты всегда находишь решения там, где их нет, – расплылся в улыбке Горенков. – Считай, дело сделано. Завтра привезу их к тебе.

Завтра. То есть у меня ровно один день, чтобы подготовить комнату для гостей, предупредить Елизавету, дать указания Степану и убедиться, что лечебница хотя бы выглядит готовой к приёму.

Ну а когда у меня было достаточно времени на решение проблем? Хм, никогда. А потому я поторопился в особняк, и мы с домочадцами спешно продолжили приготовления.

Как Горенков и обещал, Ларины приехали на следующий день к полудню. На скрипучей повозке, которую Горенков раздобыл то ли в Волгине, то ли у кого-то по дороге. Мишка сидел на козлах рядом с возницей и выглядел так, будто привёз мне как минимум императорскую чету.

Первым из повозки выбрался мужчина. Худой, жилистый, с обветренным лицом и коротко стриженными волосами, в которых уже пробивалась ранняя седина.

Ему было лет тридцать пять, не больше, но выглядел он старше. Война и болезнь составили его раньше времени.

В правой руке – трость, левая придерживает борт повозки. Он спустился сам, без помощи, хотя было видно, что каждый шаг даётся ему с трудом. Левую ногу он волочил, стараясь не показывать, насколько ему больно.

Военная выправка. Гордость, вбитая в позвоночник годами службы. Такие люди скорее умрут, чем попросят о помощи.

Затем он помог выбраться жене. Настасья оказалась молодой женщиной – лет двадцати пяти, не старше. Невысокая, с тёмными волосами, заплетёнными в простую косу.

Беременность была уже заметна, месяцев пять-шесть. Лицо у неё было бледное, осунувшееся, под глазами залегли тёмные круги. Отеки на ногах и руках я заметил даже с расстояния. Она держалась за мужа и старалась улыбаться, но улыбка выходила вымученная.

Я спустился с крыльца и пошёл навстречу.

– Добро пожаловать. Всеволод Сергеевич Дубровский, – представился я.

– Ларин Дмитрий Петрович, – офицер пожал мне руку. Хватка крепкая, несмотря на общую изнурённость. – Моя супруга, Настасья Ильинична.

Настасья кивнула мне. В её глазах я прочитал ту самую смесь надежды и усталости, которую видел уже не раз. Так смотрят люди, которые обошли десяток врачей и уже не верят, что одиннадцатый поможет. Но всё равно пришли, потому что не попробовать – ещё страшнее.

Сам бывал в такой ситуации, когда на сороковом году жизни у меня возникли проблемы с желудком, и только пятый врач смог разобраться, в чём дело.

Тупая боль, которая не проходила месяцами. Первый врач сказал – переедаю. Второй, что нервничаю. Третий прописал какую-то дрянь, от которой стало ещё хуже. Четвёртый вообще предложил “просто потерпеть”.

И только пятый, молодой хирург, которого мне порекомендовал случайный знакомый, отправил на обследование и обнаружил полипы. Ещё немного, и они могли переродиться во что-то куда более серьёзное. Удалили за одну операцию.

После неё я раз и навсегда усвоил: если чувствуешь, что что-то не так – не останавливайся, пока не найдёшь того, кто действительно разберётся.

– Горенков рассказал мне о вашей ситуации, – начал я. – Предлагаю сперва разместиться, отдохнуть с дороги, а после обеда Елизавета – наша целительница – проведёт осмотр.

– Осмотр – это хорошо, – сухо ответил Ларин. – Но прежде я хотел бы увидеть ваш санаторий. Если не возражаете.

Не доверяет. Правильно делает. Тем более после того, сколько денег они уже потратили впустую на других специалистов.

– Разумеется, – кивнул я. – Елизавета вас проводит.

Лиза вышла на крыльцо. Я предупредил её накануне, и она подготовилась: выглядела собранно, уверенно.

Она протянула руку Настасье и мягко улыбнулась. Гостья ответила ей робкой, но искренней улыбкой.

– Пока женщины знакомятся, вы не против, если я задам несколько вопросов? – Ларин повернулся ко мне. Говорил как на допросе, словно взял меня в плен.

Но я разговора не опасался. Во времена активных переговоров для бизнеса у меня бывали разговоры и похлеще.

Однажды меня вовсе вызвали на переговоры в офис компании, которая пыталась отжать мой первый склад. За столом сидели шестеро – юрист, два бывших силовика и трое людей, чьи должности я так и не узнал. Четыре часа мне объясняли, почему мне выгоднее отдать бизнес

добровольно. Я вышел оттуда с тем же складом и с тремя новыми контрактами. Просто потому, что знал свои права лучше, чем они знали свои угрозы.

– Спрашивайте, – согласился я.

– Какое образование у вашей целительницы?

– Елизавета обучалась у практикующих врачей, у неё богатый опыт лечения, а также она полевой хирургии, – ответил я. Не стал вдаваться в подробности. Кое-что о прошлом Елизаветы я и сам знал не до конца.

– Полевая хирургия, – Ларин слегка приподнял бровь. – Это уже что-то. А вы сами? Горенков говорил что-то про целебные воды и какую-то особую методику. Это шарлатанство или за этим что-то стоит?

Прямой вопрос. Люблю таких людей. С ними не нужно ходить вокруг да около.

– Целебные воды настоящие. Из природного источника на моих землях, – ответил я. – Методика основана на свойствах этой воды и на лекарственных травах, которые здесь произрастают. Я не обещаю чудес, Дмитрий Петрович. Но могу пообещать, что мы сделаем всё, что в наших силах.

– Лекарственные травы... – Ларин скептически хмыкнул. – Мне уже три знахаря травами махали. Один даже какой-то отвар из лягушачьей кожи предлагал. За два рубля.

– Надеюсь, вы не купили, – усмехнулся я.

– Купил, – он невесело усмехнулся в ответ. – Жена настояла. Она уже на всё готова, лишь бы...

Он не договорил. Сжал челюсть и отвернулся. Я понял. Настасья измучена настолько, что хватается за любую соломинку.

А Ларин, который привык решать проблемы сам, не может ей помочь. И это его разъедает изнутри сильнее, чем больная нога.

– Пойдёмте, – сказал я. – Покажу санаторий. А дальше вы решите сами.

Мы пошли к лечебнице. Ларин хромал рядом, опираясь на трость. Настасья шла чуть впереди с Елизаветой, и я слышал, как Лиза тихо расспрашивает её о самочувствии. Настасья отвечала сдержанно, но видно было, что ей приятно – кто-то наконец спрашивает не для галочки, а потому, что действительно хочет помочь.

Когда мы вышли к зданию, Ларин остановился. Посмотрел на стены, оплетённые плющом. На мох, покрывавший кладку. На светящиеся грибы, мерцающие в оконных проёмах мягким зеленоватым светом. На деревья, чьи ветви и корни срослись со зданием так, что невозможно было понять, где заканчивается камень и начинается лес.

Лицо его окаменело.

– Это шутка? – голос Ларина стал жёстким. – Вы собираетесь лечить мою жену... здесь? В лесной хижине, заросшей мхом и грибами?

– Митя... – Настасья тронула его за локоть.

– Нет, Настя, – он мотнул головой. – Я потратил последние деньги не для того, чтобы тебя лечили в каком-то заброшенном сарае, заросшем плесенью. Мы уезжаем!

Он уже начал разворачиваться. Настасья смотрела на меня, и в глазах мольба: «сделайте что-нибудь, не дайте ему уйти».

Я не стал уговаривать. Не стал оправдываться. Вместо этого спокойно сказал:

– Дмитрий Петрович, войдите внутрь. Пять минут. Если не понравится – лично посажу вас с женой на повозку и верну деньги.

Ларин остановился. Посмотрел на меня. Он привык оценивать людей – служба научила. И сейчас он оценивал меня. Пытался понять, стоит ли довериться человеку, которого видит впервые в жизни.

Я выдержал его взгляд.

– Пять минут, – наконец сказал он.

Мы вошли внутрь. И Ларин замолчал.

Снаружи лечебница выглядела как заброшенное здание, захваченное лесом. Но внутри – внутри она была живой.

Мягкое сияние вьюнков разливалось по сводчатому потолку, заполняя пространство тёплым, ровным светом, похожим на утренний рассвет. Воздух пах свежестью и травами – не резко, а ненавязчиво, как будто дышишь на лесной поляне ранним утром.

Стены, которые снаружи казались обветшалыми, внутри были гладкими – кора, заполнившая все трещины и щели, затвердела и образовала ровную поверхность, приятную на ощупь. Пол, стянутый переплетением корней, пружинил под ногами.

В воздухе чувствовался запах валерианы. Это аномально большое растение работало благотворительным образом на всех, кто находился рядом. И даже мне самому на миг захотелось прикрыть глаза и уснуть.

Настасья ахнула. Прижала ладони к щекам. Потом медленно провела рукой по стене и прошептала:

– Она тёплая... Словно живая...

Ларин молчал. Смотрел по сторонам. Его скепсис ещё никуда не делся – я видел по складке между бровями. Но он уже не собирался уходить.

– Ну? – тихо спросил я. – Пять минут ещё не прошли. Но если хотите уехать...

– Показывайте, что у вас тут есть, – буркнул Ларин. – Раз уж мы здесь.

Я провёл их по санаторию. Показал помещение, где уже стояли две ванны, подключенные к системе подземных потоков. Их смогли в срочном порядке привести вчера вечером. А вот остальная сантехника будет позже.

Вода из целебного источника текла по корням, сохраняя свои свойства, и наполняла ванны – одну тёплой водой, другую прохладной.

Показал кабинет Елизаветы – пока ещё не полностью обставленный, но уже рабочий. Стол, стулья, шкаф с травами и отварами. Вчера начался её переезд из поместья в санаторий и ещё не закончился.

После осмотра Елизавета увела Настасью в отдельное помещение. Я остался с Лариным.

– Пока Елизавета работает с вашей супругой, давайте займёмся вашей ногой, – предложил я.

– Моя нога – дело десятое, – отрезал Ларин. – Главное – Настя. Если ей поможет, я вам по гроб жизни буду обязан. А нога... К ней я уже привык.

– Привыкнуть к постоянной боли нельзя, Дмитрий Петрович. Можно только перестать обращать на неё внимание. Но тело от этого не перестаёт страдать, – ответил я. – Тем более лечить одно не мешает лечить другое. Пока Настасья Ильинична на процедурах, мы займёмся вами.

Ларин хотел возразить, но я не дал ему этой возможности. Указал на ванну с тёплой целебной водой и сказал:

– Садитесь. И не спорьте.

Впервые за всё время нашего знакомства на лице Ларина мелькнуло нечто, отдалённо напоминающее усмешку.

Когда его нога оказалась в целебной воде – он сел на бортик ванны, задрал штанины, я встал и тихо, незаметно начал направлять магию. Не напрямую, а через воду. Усиливал регенерацию тканей вокруг повреждённой кости. Магия жизни это позволяла.

Ларин замер. Посмотрел на свою ногу.

– Что вы сделали? – спросил он. Голос изменился. Стал тише.

– Пока ничего, – ответил я. – Вода делает свою работу. Дайте ей время.

– Нет, – он покачал головой. – Я чувствую тепло. Но не от воды. Оно... изнутри идёт. Я такого за два года ни разу не чувствовал.

– Значит, процесс пошёл, – кивнул я и не стал объяснять подробности.

Ларин закрыл глаза и наконец расслабился. Складка между бровями разгладилась.

– Долго так сидеть? – уточнил Ларин.

– Для первого раза хватит и десяти минут. Но полноценный эффект будет, если погрузитесь в воду полностью. Тогда следует пролежать двадцать минут. И ещё дважды процедуру нужно будет повторить.

– Хорошо, я готов хоть сейчас, – внезапно у него появился энтузиазм.

Моё участие больше не требовалось, а потому я вышел из санатория, оставив гостя на попечение Архипа, которому строго-настрого наказал ничего не трогать, не ронять и не рассказывать пациенту историю о том, как он героически стоял под дулом винтовки Тумалина.

Зная Архипа, последнее указание он нарушит в первые же пять минут. Ну и пускай. По крайней мере, Ларину будет не скучно.

У опушки леса меня ждал Гаврила. Он пришёл с отчётом по оросительной системе и, судя по его довольной физиономии, новости были хорошие.

– Всеволод Сеггеевич, я с докладом! – Гаврила снял шапку и вытер лоб. – Система работает, вода пошла по каналам. Те участки, что больше всех погогели, уже оживают. Тгава погибает. Ещё пага недель – и следов от пожара совсем не останется.

– Отлично, – кивнул я. Это была действительно хорошая новость. Одной проблемой меньше. – А что мужики? Те, которых мы из плена вывезли?

– Так почти все оклемались! – Гаврила расплылся в улыбке. – Спасибо Елизавете вашей – она их сразу подлатала. Сеггёзно подлатала, не для вида. Гука у Игната ещё побаливает, но он уже шевелить ей может. А остальные и вовсе молодцом. Через недельку все габотать смогут.

– Хорошо, – повторил я и посмотрел на лес.

Там, за деревьями, на восстановленном после пожара участке трава уже пробивалась сквозь чёрную землю. Каналы, прорытые кладенцами и расширенные Мхом с Полозом, исправно несли целебную воду к корням пострадавших деревьев.

Но через пару недель, когда лес окончательно оживёт, эта система станет не нужна. Деревья справятся сами. И каналы окажутся бесполезными.

Если только не найти им другое применение.

– Гаврила, – сказал я. – Тот участок, который больше всех пострадал от пожара. Мне понадобится половина одного гектара, – сказал я. – Когда деревья там восстановятся, я хочу разбить на части этой земли поле для посевов.

– Поле? – Гаврила удивлённо моргнул. – Прямо в лесу?

– Не совсем в лесу. Я попрошу деревья расступиться и открыть поляну. Там будем выращивать лекарственные травы. Те, что нужны для санатория. И на продажу. Некоторые из них в свежем виде дают куда лучший эффект, чем в высушенном. А с помощью магии я смогу поддерживать их рост даже зимой.

Гаврила почесал затылок. Видно было, что идея выращивать травы посреди леса казалась ему странной. Но к странностям своего барина он уже начал привыкать.

– Ну ежели вы так говогите, Всеволод Сеггеевич... Только семена-то где бгать будем?

– Часть найду в лесу, остальное закажу в Волгине через Горенкова, – ответил я. – Пока что подготовь землю. А я займусь деревьями.

Гаврила кивнул и ушёл за инструментом.

Я подошёл к выбранному участку, положил ладонь на ствол ближайшей берёзы и мысленно попросил деревья освободить место. Объяснил образами, что мне нужна поляна. Небольшая. Для трав, которые помогут людям. Что деревья от этого не пострадают – просто раздвинутся в стороны.

Лес ответил без сопротивления. Стволы закрипели, корни зашевелились под землёй, и деревья медленно, величаво, как стража, расступающаяся перед командиром, раздвинулись в стороны.

Через несколько минут передо мной открылась поляна – ровная, залитая солнцем, с чёрной, богатой землёй, напитанной целебной водой. Которая шла сразу из двух источников.

Половина гектара. Этого хватит с огромным запасом. Здесь можно вырастить десятки видов трав, которые Елизавете нужны для отваров, компрессов и ванн. И что самое важное – поляна находится внутри моих владений, под защитой леса. Никто посторонний сюда не заберётся.

Осталось принести семена. Но это подождёт.

Вечером, после ужина (Степан превзошёл самого себя – откуда он раздобыл свежую рыбу, я предпочёл не спрашивать), я заглянул к Лариным. Они расположились в гостевой комнате – той самой, где ещё недавно ночевал Кирилл Евгеньевич.

Настасья полулежала на кровати, укрытая тёплым одеялом. Лицо у неё порозовело, и это было заметно даже при тусклом свете свечей. Отёки на руках, которые утром бросались в глаза, уменьшились. Она выглядела спокойнее.

– Елизавета сказала, что мне нужно пить отвар три раза в день, – сообщила она мне тихо, будто делилась важным секретом. – И ещё завтра утром – ванна с травами. Но знаете что, Всеволод Сергеевич? Мне уже сейчас лучше. Тошнота почти прошла. Впервые за два месяца я поужинала и не пожалела об этом.

– Рад слышать, – кивнул я.

Ларин сидел в кресле у окна. Трость стояла рядом, прислонённая к стене. Он смотрел в темноту за окном и молчал.

– А что вы, Дмитрий Петрович? – спросил я. – Как нога?

– Я прошёл от лечебницы до дома без остановки, – сказал он, не поворачиваясь. – Впервые за полтора года.

Он сказал это ровно, без эмоций. Как докладывал бы об успешно выполненном приказе.

Но я услышал то, что скрывалось за этой ровностью. Он не мог поверить. Боялся поверить. Боялся, что утром проснётся и всё вернётся на круги своя. Что тепло в ноге окажется иллюзией. Что жена снова будет мучиться тошнотой и отёками. Что надежда, которая впервые за долгое время шевельнулась внутри, окажется очередным обманом.

Я знал это чувство. Не по медицине – по бизнесу. Когда после череды провалов вдруг приходит первая удача, ты не радуешься. Ты ждёшь подвоха. Потому что привык, что всё хорошее заканчивается.

– Утром ещё одна процедура, – сказал я. – А потом посмотрим. Отдыхайте, Дмитрий Петрович.

Уже выходя, я услышал голос Настасьи:

– Спасибо, Всеволод Сергеевич. Правда... спасибо.

Утром второго дня я проснулся засветло. Проверил поляну – земля подсохла, готова к работе. Гаврила уже пришёл, расчертил грядки. Молодец, ничего не нужно объяснять дважды.

Пока Елизавета проводила утренние процедуры с Лариними, я сходил в лес. Собрал семена и молодые побеги тех трав, которые росли здесь в дикорастущем виде: зверобой, тысячелистник, валериана, мята. Остальное – ромашку, календулу, шалфей – придётся заказывать. Но для начала хватит и этого.

Высадил первые семена на поляне. Влил в землю толику маны – совсем немного, ровно столько, чтобы запустить процесс. Семена откликнулись мгновенно. В земле, напитанной целебной водой и усиленной моей магией, они прорастут в несколько раз быстрее, чем обычно.

К полудню Ларины собрались. Настасья выглядела другим человеком. Отёки спали, цвет лица стал здоровым, глаза – ясные, отдохнувшие. Она двигалась увереннее и, что особенно заметно, улыбалась. Не вымученно, как вчера, а по-настоящему.

Ларин тоже изменился. Он по-прежнему опирался на трость, но шаг его стал ровнее, а складка боли между бровями, которая, казалось, навсегда врезалась в его лицо, разгладилась. Он даже выглядел моложе на несколько лет, хотя, возможно, дело было просто в том, что он наконец выпался.

Прощание вышло коротким. Ларин пожал мне руку – крепко, молча. Постоял секунду. Потом сказал:

– Я был неправ. Признаю.

– Вы были осторожны, – поправил его я. – Это другое.

– Нет, – он покачал головой. – Я назвал ваше заведение сараем. Это не сарай. Я не знаю, что это такое, Дубровский, но такого я в жизни не видел. И нога... Нога за два дня не может так измениться. Но она изменилась. Я не буду спрашивать как. Просто скажу: вы делаете настоящее дело.

– Спасибо, Дмитрий Петрович, – с улыбкой ответил я.

Настасья обняла Елизавету. Та что-то шепнула ей на ухо – видимо, последние наставления по отварам и режиму. Настасья кивнула.

– Мы всем расскажем, – пообещала она. – Всем-всем. У Мити в полку столько ребят после ранений мучаются...

– Я дам им адрес, – перебил Ларин. – С вашего разрешения.

– Разумеется, – кивнул я.

Повозка тронулась. Настасья махала рукой до тех пор, пока они не скрылись за поворотом. Ларин не оборачивался. Сидел прямо, смотрел вперёд. Но я заметил, что трость он положил не рядом с собой, как обычно, а убрал в повозку.

Первые клиенты и первый успех. Маленький, но настоящий.

Оставшийся день я посвятил подготовке к совету. Не в смысле речей или аргументов – это я и так обдумал за последние дни. А в практическом смысле: собрал документы, подготовил одежду, дал указания Степану на время отсутствия.

Вечером зашёл к Елизавете. Она заканчивала перенос последних склянок в санаторий и выглядела уставшей, но довольной.

– Ларина мне понравилась, – сказала Лиза, расставляя банки с травами по полкам. – Крепкая женщина. Терпеливая. Ребёнок здоров, я проверила. Отёки были из-за перенапряжения и нервов. Ей просто нужен покой и нормальное питание. Ну и наша вода не помешала, разумеется.

– А офицер?

– Там сложнее, – Лиза нахмурилась. – Кость срослась неправильно. Чтобы полностью восстановить подвижность, понадобится не один курс. Но то, что ты сделал с водой... Всеволод, я не знаю, как это объяснить с медицинской точки зрения, но воспаление в тканях уменьшилось раза в три за два дня. Такого не бывает.

– У нас бывает, – ответил я. – Эта вода даже голос возвращает.

Как оказалось, дальше от самого источника она действует не так сильно, потому я и добавлял в воду свою магию.

А вести гостей далеко в лес – так себе идея. Как минимум на диких зверей можно напороться.

Так что вопрос эффективности буду решать как-то иначе.

– У нас бывает, – повторила Лиза и улыбнулась. – Когда вернёшься с совета?

– Не знаю. Смотря как пойдёт.

– Будь осторожен, Всеволод, – она посмотрела мне в глаза. Серьёзно. – Бойков – не Тумалин. Его деревьями не запугаешь.

– Знаю, – кивнул я. – Но у меня есть кое-что получше деревьев. Правда.

Лиза хмыкнула, но промолчала.

Наутро мы выехали в Волгин. Я взял с собой Виктора и Славу – не для красоты, а на всякий случай. Мало ли что может произойти на территории графа, который, вероятнее всего, уже знает об убийстве Тумалина и не испытывает по этому поводу никакой радости.

Ехали мы молча. Виктор проверял ружьё. Слава смотрел в окно и крутил в пальцах пулю от своего ружья, но не от нервов, а по привычке.

Я перебирал в голове всё, что знал. Козыри: показания Кирилла Евгеньевича. Свидетельства освобождённых пленников. Факт, что барон охотился на людей и держал их в камерах годами. Этого достаточно, чтобы оправдать убийство в глазах любого разумного человека.

Но Бойков – не любой разумный человек. Он политик. Ему важна не справедливость, а порядок. Для него убийство вассала без суда и следствия – это прецедент. Неважно, заслуживал ли вассал смерти. Важно, что кто-то посмел решить это за графа.

И ещё Шатунов. Тоже наверняка будет на совете.

Впрочем, у меня козырей хватает. Посмотрим, чья возьмёт.

Особняк графа Бойкова располагался в центре Волгина. Красивое, ухоженное здание с колоннами и широкой лестницей, ведущей к парадному входу. На ступенях стояли двое слуг в ливреях. У коновязи – десяток лошадей. Значит, я не первый.

Мы оставили повозку и поднялись по лестнице. Виктор и Слава остались у входа – внутрь их не пустят.

– Если через три часа не выйду – не ломитесь, – предупредил я. – Советы у дворян бывают долгими.

– А если через пять? – прищурился Виктор.

– Тогда ломитесь.

Сокольников усмехнулся. Слава кивнул.

Я вошёл внутрь. Длинный коридор, высокие потолки, портреты предков Бойкова на стенах. Двери в конце коридора – массивные, дубовые, с резьбой. За ними и находился зал совета.

Слуга открыл двери. Я шагнул внутрь.

Длинный стол. Два десятка кресел. Большая часть уже занята. Бароны – разного возраста, комплекции, сидели с разными выражениями на лицах. Некоторых я знал по имени, и эти люди явно были не рады меня видеть, но большинство видел впервые.

Шатунов сидел справа. Посмотрел на меня – тяжело, не мигая. Я ответил ему спокойным взглядом и прошёл к своему месту.

Во главе стола сидел граф Бойков. Крупный, представительный мужчина с аккуратно подстриженной бородой и холодными серыми глазами. На его лице не было ни гнева, ни раздражения – только расчёт. Он смотрел на меня так, как опытный шахматист смотрит на противника, который только что сделал неожиданный ход.

– Господин Дубровский, – голос Бойкова разнёсся по залу. Ровный, спокойный. Но в этом спокойствии чувствовалась сталь. – Рад, что вы нашли время почтить нас своим присутствием. К вам накопилось немало вопросов. И от ваших ответов будет зависеть, останется ли вам титул барона или мне придётся отправлять в имперскую канцелярию прошение о разжаловании.

Глава 9

Ответ на заявление Бойкова может быть только

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.